

Рандеву на границе дождя

Автор:

Мария Воронова

Рандеву на границе дождя

Мария Воронова

Двоюродные братья Руслан и Макс не жаловали друг друга с детства. Во взрослой жизни их объединяло только одно – оба стали врачами. Но сейчас их сплотило другое: оба вынуждены жить в одной квартире и поневоле общаться. Но главное – оба несчастны в личной жизни. Руслан похоронил жену, а брак Макса, успешного психоаналитика, распадается. Вспыхнувшее чувство к удивительной девушке Христине Макс гонит от себя, надеясь склеить семейную лодку, а Руслан заслоняет своим телом бывшую любовницу, которой грозит неминуемая гибель в автокатастрофе. Оценит ли капризная судьба их благородство?

Мария Воронова

Рандеву на границе дождя

© Воронова М. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Они ужинали молча, оба стараясь не смотреть на пустой стул. Раньше там было место Ольги. О чем бы ни думали мать и сын, им не хотелось делиться друг с

другом своими мыслями. Доев омлет, Руслан встал, собрал тарелки и приготовил чай.

На полке одиноко стояла Олина кружка с мультяшными котятами, и Руслан вдруг подумал, что до болезни жены еду всегда подавали на фарфоре, но как только диагноз стал ясен, Анна Спиридоновна перешла на дешевую китайскую посуду. Теперь, казалось бы, можно вернуться к прежним привычкам, но дорогой фарфоровый сервиз так и стоял закрытым в горке, и никому не хотелось его оттуда доставать.

Мать помешала сахар в чай и поморщилась – звяканье ложечки только подчеркивало тягостную тишину, царившую за столом.

– Как дела на работе?

– Спасибо, мама, все нормально.

– Хорошо. Руслан, хочу тебе сказать... Я говорила с Максом, у него какие-то нелады в семейной жизни.

– Неужели?

– В подробности я не вдавалась, но пригласила его пожить пока у нас.

Руслан, готовившийся сделать глоток, резко поставил чашку на стол:

– Ну ты придумала, мама! Бедой горе латать!

– Я прекрасно знаю, что ты его недолюбливаешь, но делать нечего. Родственные узы...

– Да-да, кровь не водица и все такое. Один раз выслушать душераздирающий рассказ о его адской жизни я готов, но чтобы он здесь болтался и ныл... Он же не бездомный, в конце концов!

– Руслан, ты не понимаешь кое-каких нюансов. Мы все надеемся, что этот брак удастся сохранить...

– Так и на здоровье, только почему у нас дома надо это делать?

– Не перебивай. Что ж ему, возвращаться в Москву к матери? Бросать не только жену, но и работу? А снимать здесь квартиру тоже нехорошо. Это покажет Алине, что он готов к разводу.

Руслан развернул конфетку и заметил, что это уж такие тонкие тонкости, на которые никто внимания не обращает в нынешнее время.

– Не скажи, – энергично воскликнула мама, – сколько продлится эта размолвка, неизвестно, но пока он с нами, под моим присмотром, нет повода подозревать его в разгульной жизни.

– Мама, достаточно посмотреть на него, чтобы все подозрения развеялись, – ухмыльнулся Руслан, – это же фантастический зануда.

Назидательным тоном Анна Спиридоновна заметила, что он, как и все мужчины, не сознает множества важных вещей. Если Макс найдет себе квартиру, Алина поймет, что он начинает новую холостую жизнь без нее, и ссора от этого усугубится, и неизвестно еще, чем закончится. А так человек просто переживает у родственников тяжелый период.

Хоть Макс был самым несносным из всех известных Руслану людей, спорить с мамой дальше бесполезно. Она уже обещала приют любимому племяннику, теперь только сожженная дотла квартира позволит избежать этого визита. Прибравшись в кухне, Руслан принял душ и лег в постель, хотя не было еще одиннадцати вечера. Вяло побродил с планшета в Интернете, но ни на чем не задержался. Когда умерла жена, он не чувствовал острого горя, но и радость тоже ушла из его жизни.

Руслан отложил планшет, вытянулся на спине и принялся разглядывать затейливую лепнину на потолке. По-хорошему, давно пора сделать ремонт, хотя бы простенький. Побелить потолки, поклеить новые обои. Эти хлопоты и неудобства взбудрили бы их, но куда ж теперь, когда такой гость на пороге! Размолвка у него, видите ли! Интересно, сколько продлится эта размолвка? Месяц? Два? По крайней мере, желчно подумал Руслан, если бы я был Максовой

женой, то, выгнав его, ни за какие пряники не пустил бы обратно!

Вполне реально, что родственник останется у них навечно, мама его любит. Будут вечерами разглядывать старые альбомы и предаваться воспоминаниям о прабабушках и прадедушках. И большая вероятность, что он еще будет здесь, когда настанет время признаться матери, что Руслан больше не завкафедрой, а всего лишь второй профессор. Осталось доработать всего три месяца, потом контракт истекает, и добро пожаловать вниз по карьерной лестнице, Руслан Романович. Освободите место для более талантливых и перспективных кадров.

Когда Ингу неожиданно назначили ректором, нельзя сказать, чтобы он очень обрадовался, но ничего плохого для себя от этого назначения не ждал. Он знал Ингу как честного и порядочного человека, не использующего власть для сведения личных счетов. Конечно, мало приятного ходить в подчинении у женщины, да еще моложе себя, но для самолюбия это не смертельная рана. И вдруг его вызывает заместитель по кадрам и сообщает, что продлевать с ним контракт никто не собирается! Новость была столь неожиданна, что Руслан сначала даже не поверил. И только когда кадровичка принялась растолковывать ему, что необходимо сделать, чтобы занять должность второго профессора, он оценил серьезность положения.

Руслан позвонил Инге на мобильный, но ответа не дождался, очевидно, она внесла его номер в черный список. Поговорить с ней на службе, как бы случайно? Ректор крупного учреждения – это не та фигура, к которой можно запросто подойти в течение рабочего дня, хлопнуть по плечу и сказать: а давайте обсудим мое назначение!

Инга сидела в своем кабинете, надежно защищенная преданной секретаршей, а если появлялась в подразделениях, то только в сопровождении их руководителей. Став ректором, она забросила практическую работу, и хоть номинально оставалась главой центра хирургии кисти, сама перестала оперировать, так что столкнуться с ней в операционной тоже шансов не было. Спрятав гордость подальше, Руслан записался к бывшей возлюбленной на прием.

Инга встретила его с холодной любезностью, но улыбка была, пожалуй, слишком радушной, чтобы Руслан поверил в ее искренность.

– Садитесь, Руслан Романович, – Инга указала ему на стул возле приставного стола для заседаний, – очевидно, лучше сейчас потратить немного времени, чтобы расставить все точки над и, и дальше работать в обычном режиме.

– Инга, я понимаю, что очень виноват перед тобой, – скороговоркой пробормотал Руслан, садясь, – прости меня, если можешь.

– Инга Валерьевна, с вашего разрешения. Я подозреваю, вы записались на прием не потому, что вина передо мной невыносимо тяготит вашу совесть. Вас интересует продление контракта, так что для экономии моего и вашего времени давайте придерживаться этой темы.

Она снова одарила его фальшивой улыбкой. Руслан отметил, что новая должность шла ей, как и замужество. Бледное нежное личико налилось красками, в глазах появился холодный стальной блеск, который, впрочем, нисколько Ингу не портил. Властность и уверенность в себе придавали новое очарование ее робкой красоте. Странно, как она умудрилась за такое короткое время из молодой энергичной матери-одиночки превратиться в холеную номенклатурную даму? Женственные завитки легких светлых волос сменились строгой прической, а одета Инга была в деловой костюм того сдержанного дизайна, который свойственен только очень дорогим фирменным вещам. Взяв авторучку, Инга принялась легонько постукивать ею по столу, и Руслан заметил маникюр, причем сделанный со вкусом и весьма профессионально. На безымянном пальце правой руки красовалось широкое обручальное кольцо. Интересно, ему показалось, или она специально взяла ручку, чтобы он точно заметил столь убедительный атрибут ее замужества. «Ну вышла ты замуж, как хотела, все у тебя хорошо, что же ты мне мстишь?» – с тоской подумал он.

– Инга Валерьевна, я прекрасно отдаю себе отчет, что у вас есть причины наказывать меня, – угрюмо начал он, но Инга остановила его повелительным жестом, совершенно новым для нее.

– Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я свожу с вами какие-то личные счета. Их у меня нет, да и не может быть. Напротив, Руслан Романович, я прекрасно к вам отношусь и ценю нашу былую дружбу. Но вы должны понимать, что хорошее отношение – это не повод еще на пять лет отдавать кафедру в распоряжение некомпетентного специалиста.

– Что?!

– Давайте посмотрим правде в глаза, – Инга начертила на листке бумаги две параллельные линии и легонько вздохнула. – вы отдаете кафедру в том же самом виде, в котором получили ее пять лет назад. За время своего руководства вы выпустили четыре сереньких кандидатских и одну убогую докторскую, которая хуже любой из этих кандидатских. Публикации вымученные, не потому что есть чем поделиться с научным сообществом, а потому что надо. Хирургический багаж не расширяется, на кафедре не освоено ни одной новой методики, делаются те же операции, что и пять лет назад, когда вы принимали кафедру. Это, знаете ли, уже не столько верность традициям, сколько косность.

– Сейчас, Инга Валерьевна, – вскинулся Руслан, – новые методики – это прежде всего технологии...

Инга улыбнулась:

– Поэтому, Руслан Романович, я и предлагаю вам освободить должность. Руководитель должен делать, а не объяснять, почему он не может делать. Да, бывают разные обстоятельства, но на то руководителю и дается солидный срок проявить себя. Обстоятельства не могут длиться пять лет подряд. За это время надо научиться побеждать эти обстоятельства.

Нужно встать и уйти. Понятно, что Инга не переменит своего решения, и сейчас только глумится над ним по праву сильного. Ну и пусть, вдруг решил он, пусть порадует. Расскажет ему, какое он ничтожество, хотя вся его некомпетентность заключается только в том, что он предпочел ей другую женщину.

– Есть разные методы руководства, – продолжала Инга, – яркий, талантливый человек окружает себя добросовестными исполнителями, которые комфортно чувствуют себя на вторых ролях и с удовольствием проводят в жизнь идеи начальника. Руководитель, скромнее одаренный, наоборот, привлекает к себе молодые таланты и создает наилучшие условия для их развития. То есть компенсирует свою заурядность как ученого блестящей организаторской работой. Можно дискутировать, какая модель эффективнее, но одна из них должна быть. А когда, простите, заурядный врач руководит добросовестными исполнителями... Тут я просто обязана принимать меры.

– Да? – Руслан постарался улыбнуться так же холодно и равнодушно, как она. – а вы уверены, Инга Валерьевна, что обязаны принять меры именно поэтому? А не потому, что я в свое время не женился на вас?

– Не буду лукавить, этот эпизод действительно повлиял на мое решение, – Инга вздохнула и опустила глаза. – то, что вы предпочли мне тупую и подлую женщину, убедило меня в том, что вы кроме всего прочего не умеете подбирать персонал.

Она рассмеялась, на сей раз, кажется, совершенно искренне.

– Сами посудите, Руслан Романович, – весело сказала Инга, встав из-за стола. Руслан тоже хотел подняться, но она мягко придержала его за плечо: – Сидите, сидите. Допустим, я продлю вам контракт. Найдутся люди, которые спросят меня, а на чем основана ваша кадровая политика, уважаемый ректор? И что прикажете им ответить?

Она прошла по кабинету, и Руслан машинально отметил ее округлившийся животик. Ждет ребенка, сомнений нет. Почему-то это наблюдение не вызвало в нем ни радости, ни досады.

– Я вполне удовлетворительно справлялся со своими обязанностями, – буркнул он.

– Вот именно, удовлетворительно. А надо отлично! Вы поймите меня как руководителя. Есть безумно талантливый человек, энергичный, с готовой методикой и кучей идей в голове, который украсит наше заведение, даст новый толчок к его развитию, но я не могу его взять, потому что продлеваю контракт с вами. Почему я так поступаю? Потому что хорошо к вам отношусь? Потому что мы были любовниками в течение трех лет? Согласитесь, подобная аргументация не выдерживает критики и характеризует меня как плохого управленца.

– Инга, может быть, хватит уже издеваться? Да, я был не прав, но могу объяснить тебе все, если хочешь. И в конце концов, все у тебя сложилось как нельзя лучше. Зачем ты мне мстишь? Неужели тебе это так необходимо для полного счастья?

– Если вы хотите продолжать разговор, я попрошу вас держать себя в руках, – холодно заметила Инга. – что было, то было, Руслан Романович. Я не собираюсь вычеркивать из своей памяти наши с вами отношения, в которых было много всего, и хорошего и плохого. Но теперь они закончились, надо ли напоминать, что по вашей инициативе? Я пережила этот удар, и теперь нас больше ничего не связывает, кроме служебных отношений. Поверьте, я бы очень хотела вам помочь, но не требуйте, чтобы я действовала в ущерб интересам дела.

Он ушел от нее полностью разгромленным. Да и что он мог возразить? Топать ногами и кричать: «Нет, я хороший специалист!»?

Инга прекрасно это знает. Научная продукция кафедры вполне добротная, ему не стыдно за диссертации, которые она в пылу мщения окрестила серенькими и убогими. Хорошие работы! Может быть, не потрясают постулатов медицинской науки, зато честные, сделанные на большом фактическом материале, с дельными практическими рекомендациями. А уж упреки в том, что они не внедряют новых операций, вообще не выдерживают критики, это формальные придирки. Все, что принято в мире по профилю кафедры, они делают, а если чего-то и не делают, то только потому, что не закупается нужное для этого оборудование. Давно прошли те времена, когда необходимые приборы мастерились умельцами на коленке, из подручных средств. Вооруженные только энтузиазмом и природной смекалкой, доктора осмысливали и развивали отрывочные сведения, попадавшие к ним из-за железного занавеса, делая, например, эпидуральный катетер из телефонного провода. Сейчас подобная инициатива уголовно наказуема.

Кафедра работает не хуже других подразделений, а то и лучше. У него прекрасно организован педагогический процесс, студенты и клинические ординаторы не отбывают номер, а действительно получают знания и навыки. У кафедры есть репутация, все знают, что здесь надо заниматься, иначе будут проблемы, поэтому поступают действительно те, кто хочет учиться, зато и выходят потом готовыми специалистами, а не такими же оболтусами, как пришли.

Создано два принципиально новых цикла, на которые врачи с удовольствием записываются. Готовится к печати монография. Нет, нельзя сказать, что за пять лет он ничего не сделал и ничего не изменил.

Сообразив, что не уснет, Руслан поднялся, надел халат и вышел в кухню. Он не включал лампу, стало быть, уютные серебристые блики света на кусты сирени ложатся из Жениных окон. Наверное, уложили ребенка спать и пьют чай перед сном. А может быть, Женя одна, если Долгосабуров опять укатил на Дальний Восток. Руслан улыбнулся, вспомнив, как несколько лет назад был влюблен в эту тихую девушку. Тогда он был почти готов аннулировать брак и привести Женю в дом в качестве законной супруги, почти решился на тяжелое объяснение с матерью... Ему не хватило одного крошечного шажка, маленького усилия, но этого «почти» оказалось достаточно, чтобы Женя нашла свое счастье с преуспевающим бизнесменом, а он стоял сейчас в пустой и темной кухне, одинокий человек с разбитыми надеждами и рухнувшей карьерой.

Руслан женился на пятом курсе института, не вопреки воле матери, но и без ее горячего одобрения. Сама невеста произвела на Анну Спиридонову довольно скромное впечатление, но мамаша поразила до глубины души. Руслан и сам слегка струхнул, познакомившись с этой неординарной дамой. Впрочем, в юности на подобные вещи смотришь просто. Дети за родителей не отвечают, и Оля не виновата, что мама «вся в искусстве», а также в рваных джинсах и дикарских бусах.

Анна Спиридоновна пыталась поговорить с сыном, но он был сильно влюблен и верил, что раз Оля рядом с такой матерью выросла хорошим и здравомыслящим человеком, то у нее есть внутренний стержень. Анна Спиридоновна неопределенно пожала плечами и как бы в пространство заметила, что наследственность еще никто не отменял.

«У мамыши явные признаки психопатологии, – сказала она, – это я тебе говорю как врач, и как врач предупреждаю, что подобные вещи передаются из поколения в поколение. Вопреки мнению товарища Сталина, дети за родителей отвечают, и еще как!»

Но Руслан был молод, влюблен, и поэтому строптив. Он довольно резко ответил матери, что если будущая теща одевается черт знает во что и рисует жутковатые картины, это еще не повод отказываться от невесты. Любовь сильнее этих вещей, она побеждает все.

«Хорошо, сынок, – спокойно ответила мать, – только учти, что это на всю жизнь. Женившись, ты берешь на себя обязательства, от которых не сможешь отказаться».

Первые несколько лет они жили очень счастливо. Анна Спиридоновна искренне привязалась к невестке, которая отвечала ей любовью и трогательной заботой. В те годы мать много работала, и Оля освободила ее от всех хозяйственных хлопот.

Потом Руслан часто перебирал в памяти эти годы, но не мог вспомнить ничего, что говорило бы о душевной болезни жены. То ли не было ничего, то ли растворилось в чувстве спокойного счастья и любви, которым была наполнена их жизнь. Да, Оля плохо запоминала материал, в институте еле-еле перебивалась на троечки, даже самые увлекательные книги не могли надолго завладеть ее вниманием, но жена и не должна быть слишком умной... Почему Анна Спиридоновна, перед свадьбой уверенно предвещавшая нарушения психики у невестки, не насторожилась, когда Ольга часами сидела, разглядывая картинки в детских книжках Руслана? Потому что родители доставали ему лучшие детские книжки, с великолепными иллюстрациями, а Оля в свои юные годы была вынуждена довольствоваться тем, что нарисует ее безалаберная мамаша. Раз перебирает детские книги, значит, задумывается о ребенке, решила Анна Спиридоновна и с энтузиазмом стала требовать у молодых внука.

Но долгожданная беременность не наступала. В глубине души Руслан не сильно огорчился, он к детям относился спокойно. Держа на руках младенца, не испытывал восторга, не умилялся лепету более старших детей, а подростки так и вообще раздражали его. Но к своему собственному отпрыску он будет относиться иначе, решил Руслан, и супруги стали бороться за ребенка.

Их с женой признали совершенно здоровыми. Не нашли заболеваний, препятствующих беременности, однако время шло, а ребенок все не получался. Как-то Руслан дежурил с очень старым доктором, разговорился с ним о своей проблеме и услышал: «Иногда необходимо действовать, а иногда лучше довериться судьбе. Как говорится, солдаты сражаются, а победу дарует Бог. Просто любите жену, Руслан Романович, и Бог благословит вас, ребенком или как-нибудь иначе».

О, как он потом ругал себя, что не прислушался к словам старика! И даже посмеялся над его мракобесием... Ну не знает дед о передовых достижениях медицины, вот и ссылается на высшие силы. При чем тут Бог, в самом деле! Руслан не какой-то там «православнущий» безумец, а врач, он прекрасно знает, откуда дети берутся. Если не получается, нужно лечиться, а не молиться, и

рассказы типа «а вот одна пара никак не могла завести ребенка, а потом они съездили к такой-то святыне, приложились к иконе и нате-пожалуйста», годятся для безмозглых истеричек, а не для него.

Он видел, как мучительны для жены бесконечные визиты к врачам, но безжалостно находил все новых и новых специалистов, одного лучше другого, в надежде, что уж следующий-то точно, как кролика из шляпы, вытащит причину их бесплодия и быстро ее устранил.

Наконец была предложена лапароскопия. Оля очень не хотела соглашаться, просила у Руслана передышку, давай, мол, хоть пару месяцев отдохнем, может быть, все само собой случится. Но выстоять против атаки мужа и свекрови у нее, бедняжки, не было ни малейшего шанса.

«Дорогая, если ничего не делать, то ничего и не получится, – говорила Анна Спиридоновна, – к чему эти отсрочки? Быстренько сделаешь, если там есть какие-то проблемы, их устранят, и, может быть, со следующей овуляцией ты уже забеременеешь. Поверь мне, милая, это высиживание ничего не даст. Сколько вы уже пытаетесь? четыре года, и ничего не получается. Почему ты думаешь, что эти два месяца будут какими-то особенными?»

Ольга покорила. Руслан нежно простился с ней у дверей операционной – и всё. Назад он получил совершенно другого человека.

Волчеткин вздохнул и открыл кладовку, стараясь, чтобы старая дверца не скрипела. Порылся в своем ящике с инструментами и извлек бутылочку виски, обтянутую старыми носками. Воровато оглянувшись, налил себе в чашку и спрятал бутылку обратно. Маме совершенно незачем знать, что сын порой не может заснуть без хорошего глотка. Он и так не оправдал ее надежд, а в ближайшее время разочарует еще сильнее.

Теперь уже нельзя узнать наверняка, почему так вышло. То ли произошла какая-то ошибка при даче наркоза, о которой доктора предпочли умолчать, то ли анестезиологическое пособие прошло гладко, но разбудило дремлющее в Оле безумие... А может быть, не так и не эдак, просто она не вынесла напряжения, того давления, которое обрушили на нее Руслан с Анной Спиридоновной? Как знать... Нет, они ни разу ее не упрекнули, боже сохрани, но для совестливого

человека упреков и не нужно. Она чувствовала, как ее милостиво прощают, что она не может дать то, чего от нее так страстно хотят.

После лапароскопии, которая не дала никакого результата, Руслан забрал жену домой, совершенно по-обывательски объяснив ее вялость воздействием наркоза.

Но на следующий день ничего не изменилось, напротив, началось стремительное разрушение психики. Руслан снова заметался от врача к врачу, в надежде хоть как-то это остановить. По злой иронии судьбы, как не смогли определить причину Олиного бесплодия, так затруднились и в психиатрическом диагнозе.

В одном только все сходились – его жена не станет прежней.

О том, чтобы Ольга вернулась к матери, не могло быть и речи. Как же тогда в горе и в радости, в болезни и в здравии?

Руслан поболтал виски в своей чашке и невесело усмехнулся. Что бы ему вспомнить о святости брачных уз раньше! И сказать: невозможность зачать ребенка – это не твоя вина, а наша общая беда. А может, и не беда, а просто обстоятельство жизни. Мы все равно будем вместе до конца. Как знать, может быть, Оля не заболела бы, и забеременела, и родила... Почему не послушал того старого доктора? Но мы пропускаем мимо ушей самые мудрые советы, особенно если нам советуют терпеть.

От матери Оли толку не было никакого, кроме проклятий в адрес Руслана, мол, довел дочь до сумасшествия. У нее была своя жизнь, в которую занятия с больной дочерью никак не помещались. Время от времени она приходила в гости, но визиты становились все реже и наконец прекратились вовсе. У нее были еще другие дети, вот она и отшвырнула заболевшую дочь, как сломанную куклу.

Хотели взять сиделку, но Оля пугалась незнакомых людей, а Анна Спиридоновна болезненно относилась к тому, что в доме будет хозяйничать чужой, пусть десять раз проверенный человек. Руслан хотел перейти в дежуранты, но мать категорически воспротивилась. Он перспективный хирург и должен делать карьеру. А если уйдет на дежурства, то поставит на себе большой жирный

крест, так до пенсии и проработает сутки через трое. Другое дело, она сама: все высоты покорила, пенсию давно заработала, да и молодые наступают на пятки, ждут не дождутся, когда она освободит место. Если не уйдет по доброй воле, могут и какую-нибудь гадость устроить.

Руслан был шокирован. Он любил мать и, что не менее важно, был уверен в ее любви. Но как она с раннего детства уважала его личную жизнь, так и он считал Анну Спиридоновну не удобным устройством для удовлетворения своих желаний, а вполне самостоятельным человеком, для которого любимая работа не менее важна, чем любимый сын.

То, что она готова терпеть в своем доме душевнобольную, уже казалось ему большой жертвой с ее стороны. Но оставить работу...

Руслан пытался ее отговорить, но мать не поддавалась. Она вышла на пенсию, оставив за собой только пост редактора в одном медицинском журнале. Когда в соседнем доме открылась частная клиника, Анна Спиридоновна взяла там три часа приема по субботам. Вполне достаточная профилактика малярии, шутила она.

По вечерам и в выходные дни Руслан сам ухаживал за женой. Он смотрел за ней, как за маленьким ребенком, и думал, какие злые шутки судьба играет с теми, кто пытается ее обмануть или сильно докучает ей просьбами. Ты так сильно хотел ребенка – что ж, получай дитя, которое никогда не повзрослеет.

Это уже не была прежняя Оля, и он не мог любить ее, как раньше. Остались нежность и щемящее, иногда мучительное чувство вины. Руслан старался, баловал ее, как баловал бы дочку, угадывая и предвосхищая все желания и с ужасом понимая, что желаний этих с каждым днем становится все меньше. Но она определенно любила его и радовалась, когда он рядом, поэтому Волчеткин всегда спешил домой.

И все же он был молодой мужчина, и ему нужна была женщина.

Влюбленность в Женю настигла внезапно, оказалась острой, очень приятной и короткой.

Он слишком дорожил чистым чувством восторга, которое испытывал всякий раз, встречая Женю в клинике, чтобы испортить все мутной любовной историей, отравленной предательством при любом ходе событий. Руслан наслаждался своей запоздалой юношеской любовью, всеми этими якобы случайными встречами, Жениным смущением, явным знаком того, что она отвечает ему взаимностью. Душа его радовалась этой любви, но тело тридцатилетнего мужчины требовало свое, мучило скверными снами... Руслан просыпался в опустошении и тоске, шел на кухню, пил чай, иногда курил и в темном ночном одиночестве почти убеждал себя в том, что ничего не будет плохого, если он сойдется с Женей.

Потом встречал ее на работе, смотрел в глаза и отступал. Обмануть эту благородную натуру было бы слишком тяжким грехом... Руслан думал о том, чтобы навести порядок в своих делах, признать жену недееспособной, расторгнуть брак и жениться на Жене. Это просто юридическая формальность, ведь всем ясно, что Оля больна и давно не жена ему. Но мама считала иначе, узы брака священны, тем более брака венчанного. И вообще, самое отвратительное, что может сделать человек, – это бросить в беде того, кто доверился ему. Руслан с Анной Спиридоновной остались единственными людьми, которых Оля узнавала и любила, нигде в другом месте она жить бы не смогла. Как-то Руслан попытался положить ее в клинику на несколько дней, вдруг удалось бы достичь хоть небольшого улучшения, но Оля так плакала, что вечером он забрал ее домой.

Привести в дом другую женщину значило оскорбить мать и вообще обречь всех на несчастную жизнь на грани патологии. А если появится ребенок? Об этом даже страшно было подумать...

Поселиться с Женей отдельно, оставив Ольгу на мать, и для очистки совести нанять сиделку? Это значило бы предать и мать, и жену. Иногда цена счастья – подлость, а цена несчастья – мужество.

Как раз в это время к ним на работу перешла Инга, молодая энергичная мать-одиночка. Самостоятельная женщина, знающая жизнь и отвечающая не только за себя, но и за своего ребенка. Руслан сделал несколько намеков, они были поняты и приняты.

Инга была в его вкусе: маленькая хрупкая женщина, но он совершенно не был влюблен в нее. Все сотрудники знали его личные обстоятельства, и, сходясь с Ингой, он ничего не скрывал. Женат на душевнобольной женщине и разводиться не собирается, эпизодические встречи – все, что он может предложить. Это была правда, но не вся. Руслан не сказал, что влюблен в другую женщину, а с Ингой встречается только ради удовлетворения физиологической потребности, что она хороша в постели, и с ней интересно поболтать на профессиональные темы, но ни малейшего душевного влечения он к ней не испытывает. Он предпочел думать, что Инга встречается с ним из тех же самых соображений, что ей тоже нужна сексуальная разрядка и ничего больше.

Увы, добродетель – короткое одеяло, никогда не получается закутаться целиком...

Женя вышла замуж и мало-помалу исчезла из его мыслей, но Инга не стала роднее и ближе. Он предпочитал не видеть, каким верным и надежным другом стала ему любовница за эти годы, как помогала и поддерживала, и готова была на все ради него, если бы он только ей позволил.

Нет, его, зрелого мужика, отчего-то вновь потянуло на романтику. Сломя голову кинулся в очередную влюбленность, которая, как он думал, ничем не кончится, и, собственно, никак и не начнется.

Но Оля вдруг умерла...

Руслан неожиданно оказался свободен, и это опьянило его, привыкшего существовать в жестких рамках долга. Так человек захлебывается воздухом улицы, выйдя из многолетнего заточения в подвале.

И он ничего больше не хотел знать ни о каких обязательствах, не хотел даже думать о том, есть ли они у него перед женщиной, три года делившей с ним постель.

Что ж, пришло время за это расплатиться.

Инга обошлась с ним круто, но в целом справедливо.

Волчеткин засмеялся и залпом выпил виски. Только если о крахе карьеры профессора Волчеткина узнает Макс, это будет уже перебор. Этого он не заслужил.

Макс возник на пороге в семь ноль пять вечера, строго в назначенное время плюс несколько минут для хорошего тона. Как всегда, в идеально сидящем двубортном костюме и сияющих ботинках. О стрелки его брюк можно было порезаться, а узел галстука представлял собой маленький шедевр. Прическа – волосок к волоску. Не будь Макс так завораживающе, просто волшебно некрасив, его скорее можно было бы принять за манекен, чем за живого человека.

Плащ благородного цвета беж перекинут через локоть с тщательно продуманной небрежностью, в другой руке – чемодан на колесиках.

– Тетя Аня... Руслан... – хозяева удостоились тщательно продуманных родственных поцелуев, – очень рад вас видеть. Спасибо, что пригласили погостить.

– О чем ты говоришь, дорогой! Живи сколько хочешь, хотя я надеюсь, твоя семейная жизнь скоро наладится.

Макс как-то неопределенно повел бровью.

– Руслан, помоги брату распаковать вещи, и будем ужинать.

Зная педантичность двоюродного брата, Руслан ограничился тем, что поставил его чемодан в центре комнаты, развалился на диване и принялся с любопытством наблюдать, как тот достает идеальные стопки сорочек, два костюма, упакованные в специальные чехлы, носовые платки и прочее. Сильное душевное волнение и неопределенность семейной жизни не помешали родственнику обстоятельно собраться. Затем на свет божий появились такие странные вещи, как специальные ящички-ячейки для нижнего белья, вешалки для носков и маленький утюг.

– Это-то тебе зачем, господи, – не выдержал Руслан, – куда ты, думал, едешь? В дикие племена? Мы отсталые, не спорю, но уж утюг-то есть у нас.

– Такого нет, – наставительно произнес Макс своим надтреснутым голосом, – это специальный портновский утюжок для мужских костюмов.

– Ну извини. – Волчеткин полюбовался на свои ноги в потрепанных джинсах и перевел взгляд на брата. Тот тщательно расправлял на плечиках пиджак цвета маренго.

Чужой человек, увидев их рядом, ни за что не предположил бы, что эти двое связаны кровным родством. Объединяли братьев только высокий рост, широкие плечи и жилистая конституция. Все, на этом сходство заканчивалось. Руслан являлся привлекательным brunetом с резкими, но тонкими чертами лица и замечательным галльским носом.

А Макс... Его высокая худощавая фигура была ужасающе нескладной, и этого не мог скрыть ни один из его знаменитых костюмов. Волосы густые, пшеничного цвета, пожалуй, хороши, но слишком безукоризненная прическа убивала всю их прелесть. Создатель наградил Макса лицом треугольной формы, с острым подбородком, удивительно длинным носом и серыми, слегка раскосыми глазами, и черты эти настолько не гармонировали друг с другом, что казались смелым экспериментом Бога. Будто устав от однообразия симпатичных лиц, тот взял и прикинул: а если так?

Из-за глубоких носогубных складок братец казался суровым и мрачным человеком, но ушные раковины, поставленные перпендикулярно к голове, и длинная тонкая шея делали из него вечного подростка.

Бедняга Макс был очень некрасив, но это была некрасивость уникальная, притягивающая взгляд. Как картина Пикассо среди рождественских открыток. Надо сказать, что улыбался двоюродный брат редко, еще реже смеялся, и в такие моменты его лицо действительно становилось хаотичным нагромождением ломаных линий.

– Еще раз прими мои соболезнования, – сказал Макс, закончив распаковываться и в растерянности глядя на свой чемодан, не зная, куда его пристроить.

– Спасибо, – кивнул Руслан, сделав подобающую мину, – давай свой сундук на колесах, я поставлю его в кладовке.

(Не слишком далеко, добавил он мысленно.)

– Подожди минуту, График, – Макс придержал его за локоть, и Руслан невольно улыбнулся, услышав свое детское прозвище, – я хотел бы сразу обсудить с тобой один деликатный момент, чтобы позже у тебя не создалось впечатление, будто я наблюдал за тобой, как профессионал.

Руслан пожал плечами – мол, давай.

– Я мог бы поработать с тобой, если хочешь.

– Не хочу!

– Пожалуйста, подумай над моим предложением. Я хороший специалист в своей области и мог бы помочь тебе справиться...

– Я справляюсь, как ты видишь! – перебил Руслан.

– Внешне да! Но ты долгое время находился в психотравмирующей ситуации, и я был бы рад помочь тебе преодолеть последствия. Мы не настолько близкие друзья, чтобы это помешало мне видеть в тебе пациента, а тебе во мне – врача.

– Спасибо, обойдусь. Знаю я вас, психиатров! Начинается все с желания исследовать запутанные лабиринты человеческой души, а в итоге аминазин и мягкая фиксация.

Макс покачал головой и заметил, что брат путает психиатрию с психотерапией, собственно, негативное отношение к последней и есть причина всех несчастий нашего народа. На Западе, мол, совершенно здоровые люди ходят на терапию при каждом удобном случае, а у нас все общество состоит из невротиков и психопатов, которые не обратятся за психотерапевтической помощью даже под дулом пистолета.

– Стало быть, я невротик. Или психопат, это как тебе больше нравится. Если вообще есть какая-то разница, – буркнул Руслан.

Макс наставительно поднял палец:

– Разница принципиальная! Невротик мучает себя самого, а психопат всех окружающих.

Руслан молча подхватил пустой чемодан и понес в кладовку. При всех своих аристократических манерах Макс никогда не страдал излишней тактичностью. Не успел приехать, сразу с порога: психиатра вызывали? Мог бы сообразить, что у Руслана теперь, после многолетней жизни с душевнобольной женой, аллергия на само это слово!

Когда Оля заболела, братец был еще молодым специалистом, и помощь его заключалась в том, что он связывал Руслана с корифеями. А теперь профессионально вырос, окреп и нацелился на руслановский мозг, едва распаковав свои дурацкие манатки!

Кладовку давно не разбирали, в ней скопилось огромное количество очень нужных вещей, которыми никто и никогда не пользовался, так что пришлось изрядно постараться, чтобы втиснуть туда еще и Максов чемодан. С усилием закрывая дверь, Руслан подумал, что, вероятно, согласился бы с братом, если бы речь шла не о нем самом, а о каком-то постороннем человеке. Конечно, в голове у него творится черт знает что, но отдать свой мозг в руки этого аккуратиста, чтобы он там ровненько разложил все извилины... Нет, спасибо! На крайний случай у него в ящике с инструментами лежит психотерапевт. В стеклянном халате, усмехнулся Руслан.

На кухню вышла мама и хлопотала, накрывая стол к ужину. Краем глаза Руслан отметил, что в обращение вернулся их фарфор, и это почему-то было неприятно.

Представив себе предстоящую трапезу, он решил, что братца на сегодня, пожалуй, хватит.

Соврал Анне Спиридоновне, что его вызывают на работу, быстро соорудил несколько бутербродов и был таков.

Руслан любил раннюю осень, с ее темными вечерами и дождями, по-летнему сильными и шумными. Рыжеватые сумерки спустились на Васильевский остров, приглушая цвета и делая его похожим на старинную фотографию. От Невы

тянуло сыростью, а мелкие выщерблинки гранитного парапета набережной были полны воды. Дорога была вся в черных лужах, а листва на редких деревцах в Румянцевском садике уютно блестела в свете фонарей от недавно прошедшего дождя.

Подняв воротник куртки, он зашагал на работу. Полина сегодня дежурит, ей будет приятно его видеть.

Пока дойдет, пока пообщается с возлюбленной... К его возвращению Макс, ярый поборник режима, будет спать, а потом Руслан потихоньку к нему привыкнет...

Брак старшей сестры Анны Спиридоновны много лет был бездетным, и вдруг, когда все уже смирились с этим положением вещей, на свет появился Макс.

Что ж, стоило больше десяти лет ждать этого чудо-ребенка! Маленький гений, истинная услада родителей, Макс был послушным и любящим сыном, круглым отличником, вежливым и культурным мальчиком и настоящим кошмаром для всех детей, имеющих несчастье состоять с ним в родстве и свойстве.

Странное дело, улыбнулся Руслан, если муж ставит жене в пример другую женщину, мол у нее и фигура лучше, и лицо красивее, и готовит она ого-го, то он нахал, грубый человек и никуда не годный супруг! А если родители предлагают своему ребенку двоюродного брата как образец для подражания, это считается совершенно нормальным.

Все детство Руслан только и слышал о невероятных достижениях брата, который мало того, что учился на одни пятерки, еще уверенно брал все призы на олимпиадах и даже участвовал в телепередаче «Умники и умницы»!

Конечно, вздыхала мама, у такого талантливой мальчика неизбежны проблемы со сверстниками... Но в этом Руслану тоже чудилось восхищение, а не упрек. Не принятый в детском коллективе Макс не заставлял мать волноваться, гоня целыми днями на велике и падая с деревьев, а чинно сидел с книжечкой и набирался ума.

Единственный ребенок пожилых родителей, болезненный, тщательно оберегаемый от дурного влияния улицы, Макс был обречен на грустную участь «маленького взрослого». Бабушка учила его красиво есть, по-офицерски шаркать ножкой, и к пяти годам он приводил в восторг весь реликтовый островок старой аристократии, который представляло собой семейство. Анна Спиридоновна с ее интересом к жизни и авантюризмом со временем отдалилась от родственников, встречи были редкими, но тягостными для обоих детей. Руслану не разрешали вовлекать Макса в разные интересные штуки типа катания на тарзанке или прыжков с гаражей, а когда они стали постарше, мама говорила прямо: «Если я узнаю, что ты дал Максиму сигарету, я убью тебя собственными руками. Просто из милосердия, чтобы избавить от пыток, которым подвергнет тебя тетя Вера». Приходилось сидеть дома и вести жутко скучные беседы о книгах и учебе. И то родители всегда подслушивали, чтобы Руслан не сболтнул чего-нибудь лишнего, способного испортить чудо-ребенка.

Потом родители Макса переехали в Москву, унаследовав там квартиру, и общение, слава богу, свелось к телефонным разговорам, из которых Руслан всегда знал, что поделявает брат. И всегда Макс оказывался на шаг впереди...

Они одновременно поступили в медицинский институт, но Руслан в свой год и в Петербурге, а кузен – перескочив два класса экстерном и в Москве. Вместе закончили, но Руслан просто так, а Макс – с красным дипломом. Оба защитили кандидатские диссертации и тут сравнялись на короткое время, ноздря в ноздю пройдя путь от ассистентов до доцентов, и вместе вышли на защиту докторских.

Оба получили степень докторов наук, но Макс при этом выпустил по материалам диссертации монографию, благосклонно принятую научным сообществом, и научно-популярную книжку, которая очень неплохо раскупалась. А еще он был младше Руслана на два года!

Дальше все продолжалось в том же духе. И Руслан стал заведующим кафедрой, и Макс, но брат к тому же открыл частную клинику и весьма преуспел.

В молодости Руслан утешался тем, что зато он живет нормальной жизнью, где есть и друзья, и девушки, и неожиданные повороты фортуны, а не обречен на унылую судьбу книжного червя, как Макс.

Но брат и тут его обошел. Долго влача герметичное существование вечного девственника, Макс сделал неожиданный спурт, женившись на неправдоподобно красивой дочери весьма состоятельного предпринимателя.

Руслан всегда чувствовал себя немного виноватым перед матерью, что он не такой гениальный, как брат. Это было глупое, детское и, что там, недостойное чувство, которое следовало давно вырвать с корнем из души, но корни эти сидели слишком глубоко.

Не заведя друзей среди ровесников, Макс льнул к Руслану и не понимал, что тот совсем ему не рад. После института брат вернулся в Петербург и одно время был слегка навязчив, а потом Оля заболела, стало не до родственного общения, Макс не лез больше со всякими билетами в филармонию и на выставки, но профессиональную его помощь нельзя было не оценить. Он находил пути к лучшим специалистам, договаривался о стационарном обследовании, а потом, когда Оля умерла, помог с организацией похорон. Не сумевший толком адаптироваться в социуме, классический «ботаник» оказался безупречным родственником, так что мама сделала все правильно, пригласив его погостить. Но в такие грустные минуты, навеянные сумерками и прошедшим дождем, Руслану казалось, что она позвала брата специально, не желая оставаться наедине с сыном, который не мог дать ей тепла и внимания.

Мама старалась утешать и поддерживать Руслана, но почему-то ей понадобились другие люди, чтобы утешаться самой. Кристинка эта несуразная, теперь Макс.

«А вдруг семейные неурядицы брата – это предлог? – с ужасом подумал Руслан. – вдруг мама специально пригласила Макса, чтобы он привел в порядок мои мозги?»

Нет, это уже не дедуктивный метод, а паранойя! С такими мыслями действительно пора...

В приемном отделении он с трудом протолкался через маленькую толпу агрессивных настроенных людей, пришедших за медицинской помощью. Как всегда по пятницам, запах перегара был особенно густым.

Окинув толпу профессиональным взглядом, Руслан определил, что в действительно срочной помощи нуждается дай бог треть всех этих людей, остальные просто явились в удобное для себя время, не желая обивать пороги поликлиник.

Несмотря на недавний ремонт, отделение казалось мрачным и запущенным. Белая кафельная плитка кое-где отвалилась, обнажив безысходные серые шлепки цемента, на потолке расплылось бурое пятно от протечки, с которого на зазевавшихся докторов периодически падали куски краски.

Отделение располагалось на первом этаже, поэтому тут даже летом бывало сыро и промозгло, усиливая общее ощущение безнадежности.

Из-за двери хирургической смотровой доносились ставшие уже почти родными угрозы: вы мне отказываете в помощи? вы обязаны! как ваша фамилия?

Подобные вопли превратились в неизменный атрибут практики врача и от частого повторения уже не производили того впечатления, на которое рассчитывали граждане.

– Моя фамилия – пошел отсюда вон, – с этими словами в коридор вышла Мила и по инерции продолжила: – А имя – завтра в поликлинику обратишься. Давай-давай, иди отсюда, пока я милицию не вызвала, – крикнула она явно нетрезвому мужчине средних лет и наконец повернулась к Руслану: – пойдём покурим?

В курилке, странное дело, никого не было, и Мила с неожиданной для своей комплекции лёгкостью вскочила на высокий подоконник. Руслан полез в заначку, на верхней полке железного шкафчика со швабрами они всегда хранили пачку сигарет для таких вот некурящих докторов, как они с Милой. Потому что нет-нет, да и наступала минута, когда вдохнуть горький дым становилось просто необходимо.

– Откуда это взялось? – сказала Мила с недоумением. – Нет, всякое бывало, конечно, но к врачам относились с уважением, если писали жалобы, то почти всегда по делу. А сейчас – вздохнешь невпопад, и пожалуйста! Иди отписывайся! Иногда возникает чувство, что каждая спасённая мною жизнь – это удар по эволюции.

Руслан затаился и глубокомысленно выпустил дым.

– Из всего информационного потока санитарного просвещения наш любимый гражданин уловил только одну идею: врачи кому-то там что-то давали и теперь по гроб жизни должны лично ему, – сказал он с усмешкой, – и, в общем, успех лечения зависит не от того, насколько тяжело он болен, а от того, как громко он на врача орет. Он не понимает, что иногда вылечить человека – это все равно что пройти по минному полю. Шаг вправо, шаг влево, и всё!

– Так медики сейчас как штрафбат! – расхохоталась Мила. – Гонят нас на минные поля, а за спиной заградотряд из всяких проверяющих, которым пациенты с радостью пулеметные ленты в виде жалоб подносят. А никаких миноискателей или там защитной амуниции ни фиги не выдают, кстати, особенно в последнее время. Все ножками, ножками... Ну ладно, черт с ним! Подумаем об этом, когда нас пригласят разрабатывать новую концепцию здравоохранения, а сейчас нечего воздух сотрясать.

Мила коснулась его плеча, и даже сквозь куртку Руслан почувствовал тепло ее ладони:

– Ты как? Держишься?

– Спасибо, Мила, я в порядке. Сама понимаешь...

Так вышло, что они с Милой не виделись очень долго, то она была в отпуске, то на учебе, потом отпуск брал Руслан, и у него не получилось поговорить о смерти жены с единственным человеком, которого он считал своим настоящим другом.

– А ты на нас не сердишься? – вдруг спросила она. – Не думаешь, что в смерти Оли есть вина наших врачей?

Он покачал головой:

– Ну что ты! Может быть, шанс был. Может быть, один из ста, а может быть, и больше. И если бы доктор нашел тропинку через это минное поле, я был бы благодарен ему до конца жизни. Наши не сумели, так это судьба, куда деваться. Как сказал Пушкин: но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, да брат мой от

меня не примет осуждения, и дух смирения, терпения, любви и целомудрия мне в сердце оживи... Да я вообще, – Руслан махнул рукой, – сам я хорош! Сидел как идиот возле Оли и ни о чем не думал, кроме того, что не хочу ее терять. Наверное, надо было искать консультантов, сгонять всех профессоров к ее постели, самому, может, сунуть нос в историю болезни, а я тупо сидел, держал ее за руку и плакал. Хотя толку от моих слез не было никакого. Так что если кто и виноват, то только я.

Мила вздохнула. Слишком долго стряхивала пепел с сигареты.

– Знаешь, Руслан, – сказала она тихо, – не бывает ведь абсолютного счастья, правда? Может быть, несколько минут, а потом обязательно привкус разочарования, пусть капля на ведро, но обязательно есть. Зато и абсолютного горя тоже не бывает. Как на солнце есть пятна, так и во тьме найдется лучик света. Всегда есть что-то, ради чего надо идти дальше, какой бы мрачной и беспросветной ни представлялась тебе жизнь.

Дежурные терапевты были почти исключительно женщины, но кабинет имел казенный, тоскливый вид, его обитательницы не прилагали никаких усилий, чтобы хоть немного смягчить обстановку. Стены, оклеенные дешевыми обоями с невнятным рисунком, были совершенно голыми, никто не озаботился повесить даже календарь. Вместо занавесок окно закрывали вертикальные жалюзи с кое-где уже оборванными полосками. В единственном цветочном горшке, слегка тронутым плесенью по краям, под слоем пыли произрастало какое-то вечнозеленое растение, изумляя своей живучестью, потому что по его виду сразу становилось ясно, что его никто не поливает.

Руслан присел к маленькому столу и с неудовольствием отметил, что цветочный рисунок на клеенке почти весь стерся, углы клеенки прорваны, и вся она изрезана ножом, словно кто-то кромсал хлеб жадно и небрежно.

И кружка, в которой Полина подала чай, тоже показалась сомнительной. С какой-то разухабистой надписью, щербатая, Руслан так и чувствовал, что, когда выпьет свою порцию, обнаружит внутри на стенках густой чайный налет, поэтому отставил кружку, даже не пригубив.

– Нет, что эта сучка о себе возомнила! – воскликнула Полина, убедившись, что дверь кабинета плотно закрыта. – Выспала себе ректорское кресло, так теперь может людям жизнь ломать? Ничего, найдется на нее управа!

– Полячонок, не воспаляйся, – с улыбкой посоветовал Руслан, пытаясь обнять любимую девушку, но безуспешно, так быстро и энергично она расхаживала по кабинету. – что теперь поделать... Мы с тобой ее сильно обидели. Я предал, ты глумилась. Ничего удивительного, что она решила отомстить.

– Знаешь, ты как хочешь, а я не допущу, чтобы какая-то шлюха мне жизнь ломала, – воскликнула Полина с интонацией, показавшейся Руслану несколько театральной. – если уж на то пошло, она сама во всем виновата! Никто ее не заставлял к женатому мужику в постель ложиться. Уж в тридцать-то лет пора бы знать, что раз стала подстилкой, ею и останешься. Не было у тебя перед ней никаких обязательств, так что нечего было лезть на место твоей жены!

Руслан поморщился. Эта мораль вдруг показалась ему такой же дешевой и пошлой, как кружка, в которую Полина налила чай. И такой же слегка грязноватой.

– Пусть так. Моя совесть, допустим, чиста. Но ты-то зачем к Инге заявила с нравоучениями? Неужели так хотелось ногами попинать поверженную соперницу? Блажен, Полина, «кто крепко словом правит и держит мысль на привязи свою, кто в сердце усыпляет или давит мгновенно прошипевшую змию».

Она нетерпеливо махнула рукой, как бы отгоняя от себя пушкинские строки:

– Я сделала, что надо. Она хоть заткнулась, а иначе, представь, сколько бы эта шлюха тебе еще мозг высасывала, пока бы до нее доехало, где ее место в твоей жизни! Так что нечего мне теперь стишки читать, лучше скажи спасибо.

– Спасибо, – сказал Руслан.

– Нет, я это так не оставлю, не беспокойся. Если она думает, что стала царицей мира, то очень сильно ошибается. Мне обещали место ассистента кафедры, и я его получу!

Полина была очень хорошенькой, даже когда злилась. Пожалуй, особенно когда злилась. Волнение придавало румянец ее очень белой, как у всех рыжеволосых людей, коже, а выражение томных, немного сонных зеленых глаз в такие минуты становилось острее. У нее было овальное личико с пухлыми губами. Когда-то она казалась Руслану таинственно-прекрасной, как сказочная принцесса.

– Разве тебе так плохо тут работается? – спросил он, наконец поймав Полину и усадив к себе на колени. – зарплата лучше, чем на кафедре, сутки оттарабанила – и три дня делай, что хочешь. Случаев интересных море, а наукой хочешь заниматься – оформляй соискательство, и вперед.

– Не разыгрывай из себя дурачка! Тут перспективы нулевые, и я поступила сюда только потому, что мне было твердо обещано место ассистента. До старости тут всякому быдлу сопли вытирать да с бабками безмозглыми возиться – это не предел моих мечтаний, знаешь ли. Как они достали все! Мозгов не хватает не то что лекарства принимать по назначению, об этом я уж не мечтаю, так хоть в чай сахар не хреначить по десять ложек при диабете! Основной инстинкт только остается, каждую минуту ноль три наяривать. Создается впечатление, что у бабок медицина вместо секса.

Руслан только хмыкнул. Каждый врач становится мизантропом – это неизбежные издержки профессии, но, кажется, Полина за два года работы продвинулась на этом поприще дальше, чем Мила за двадцать.

– А я хочу общаться с нормальными людьми, которые понимают, что для получения нормальной помощи, а не отписки для страховой компании врача надо правильно мотивировать. И знают, что вопли про прокурора и Гиппократов в протокол правильной мотивации не входят, – засмеялась Полина. – но такие люди понимают и то, что мозги у участковых врачей и скоровиков давно высосаны таким вот быдлом, и идут не в эту помойку, а на кафедру. Да что я тебе рассказываю, ты сам не больно-то увлекался дежурствами.

– Ты знаешь, почему.

– Да знаю, знаю. – Полина обняла его, и Руслану вдруг захотелось самого простого, первобытного человеческого утешения. Не удовольствия и экстаза, а чтобы прильнуть всем телом, растворить в мягком женском тепле свои горести и

заботы. В точности по Маяковскому: ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское...

– Для веселия планета наша мало оборудована, – продолжил он поэтический ряд, – надо вырвать радость у грядущих дней. Полячонок, ты же в выходные не работаешь?

Она покачала головой.

– Так может быть, поедем куда-нибудь, отдохнем? – Он нежно провел ладонью по ее бедру. – Хочешь, я домик сниму на заливе?

Полина решительно убрала его руку:

– Руслан, мы обсуждали это тысячу раз.

– Слушай, ты прямо как будто из девятнадцатого века появилась...

– Хоть из мезозоя, – отрезала Полина, – смысл один. Если ты хочешь быть со мной всю жизнь, то с удовольствием заявишь об этом, как говорится, перед Богом и людьми. А если не хочешь, то с какой стати я должна отдавать единственное сокровище бедной девушки ради твоего минутного удовольствия?

Руслан кисло улыбнулся. Все верно. Логика безупречная.

– Ты мне не доверяешь?

– Доверяю, – усмехнулась она. – поэтому и прошу подождать до свадьбы.

– Полина, но после смерти Оли прошло совсем мало времени, жениться сейчас просто неприлично.

– Разгульный отдых тогда еще неприличнее.

Волчеткин вздохнул. Все-таки Полина много моложе его, и это чувствуется. Они с Ингой плоды еще советского воспитания, и хоть были совсем маленькими,

когда Союз развалился, успели еще впитать это безнадежное «я – последняя буква алфавита», произносимое безапелляционным тоном по любому поводу, причем зачастую говорилось это бескорыстно, с самыми добрыми намерениями, в святой уверенности, что сделают добро ребенку, если приучат его игнорировать собственные интересы.

А Полина росла уже совсем в другой среде и с младенчества знала, что никто не позаботится о тебе лучше, чем ты сам.

Наверное, это правильно, потому что если ты не умеешь отстаивать то, что важно лично для тебя, не сумеешь защитить и других. Но почему-то Руслана тошнило от этой расчетливой добродетели, и он медлил с официальным предложением.

Полина со своей прямолинейной житейской логикой считала, что раз поставила ему условие: или свадьба, или ничего и он до сих пор ухаживает за ней, то по умолчанию выбрал свадьбу. И очень часто бывали такие ночи, когда он решался, говорил себе: хватит тянуть! Из таких девушек, которые знают, чего хотят, получаются лучшие жены и матери!

Но потом приходил на работу и невольно смотрел на Полину глазами Анны Спиридоновны. Мать не примет ее, это ясно. Трудно сказать, как она поведет себя, вероятнее всего, будет терпеть, но в душе не примет. Полина же терпеть не станет! Если красивая женщина смогла сохранить девственность до двадцати семи лет, значит, ей сам черт не брат.

А вот с Ингой мама, пожалуй, сразу нашла бы общий язык... Руслан вздохнул. Он думал, что нанесенный Ингой удар смягчит угрызения совести, но ничего подобного не произошло. Она ведь была такая хорошая девчонка, подумал он с неожиданной теплотой, добрая, отзывчивая, а уж энергичная! Непромытую кружку возле себя она бы терпеть не стала. И не должность изменила ее, а его предательство. Человек может перенести много горя и лишений, но сломать душу способно только предательство, а он на пару с Полиной совершил худшую разновидность этого греха, ту, которая «ты сама виновата».

Макс открыл дверь и почувствовал: что-то в квартире неуловимо изменилось. Кажется, все на местах, но словно светлее стало в мрачном коридоре, и воздух

наполнился свежестью. Он аккуратно расправил плащ на плечиках, переобулся и прошел в комнату, которую ему отвела Анна Спиридоновна. Там его ждал удивительный сюрприз.

На подоконнике стояла незнакомая женщина, терла створку распахнутого окна и пела:

- Давай мовчати про то, що дівчати не вміють сховати, не можуть спати...[1 - Давай молчать о том, что девушки не умеют скрывать, не могут спать... (укр.)]

Голос был чуть низковатый и бархатистый, Макс невольно заслушался, тем более что женщина, поглощенная своими занятиями, кажется, не замечала его.

Она стояла в светлом прямоугольнике окна, сильная и стройная, вся будто подавшаяся навстречу небу.

Со своего места на пороге он мог видеть только силуэт женщины с тонкой талией и чуть широковатыми бедрами, а черты лица, цвет волос и одежды, все это пропадало в лучах света, льющегося из окна в комнату.

- Давай про мене і про тебе мовчати...[2 - Давай обо мне и тебе молчать... (укр.)]

Он деликатно кашлянул, но таинственная незнакомка не обратила на него внимания, только энергично принялась мыть стекло – у бедняжки захватило дух.

- Мовчати аж поки не захочем кричати...[3 - Молчать, пока не захотим кричать... (укр.)]

Макс подошел и осторожно тронул женщину за локоть. Она вскрикнула, пошатнулась, и только сейчас он понял, как это глупо – неожиданно подскакивать к человеку, стоящему на подоконнике.

- Осторожно, осторожно! – воскликнул он, крепко хватая ее за руки. – Только не падайте.

Теперь он разглядел девушку как следует, и она поразила его не столько своей красотой, хотя безусловно была красива, сколько тем, как совпадал ее облик с

тем, что он вообразил себе.

Ослепительно белая кожа, овальное личико с изящным, но решительным подбородком, маленький рот с пухлыми, но решительными губами. Очень хороши были глаза, необычного янтарного цвета, огромные, лучистые, под черными бровями взлет, такой четкой рисовки, какая бывает только у украинок. Именно подобных красавиц Макс представлял себе в детстве, читая гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Девушка освободила руки, которые Макс почему-то продолжал держать, и вынула наушники.

– Прошу прощения, – Макс замялся, подыскивая слова, но неожиданно спросил просто и в лоб: – кто вы такая?

– Я-то? – Девушка нахмурилась. – А вы кто такой и как попали в хату?

– Разрешите представиться, Макс, племянник Анны Спиридоновны. Она пригласила меня погостить и дала ключ. Можете позвонить ей, справиться обо мне, если угодно.

– То я думаю, откуда тут мужские вещи, а вон оно что!

Девушка кивнула и хотела вернуться к своему занятию, но Макс остановил ее жестом, который, как он чувствовал, вышел скорее нелепым, чем повелительным:

– И все же я попросил бы вас сказать, кто вы.

– А, правда! Вечно я какая-то как здасьте! Христина, – она протянула ему ладонь, но, заметив, что та мокрая, засмеялась и сразу убрала руку. – а как сказать, кто я такая, так даже и не знаю...

– Если вы грабительница, то слишком уж ревностно подходите к делу уничтожения улики...

– Тю! Придумали! Ничего подобного! Я Анне Спиридоновне, скажем, подруга. Мы в Сети познакомились, а потом стали встречаться. Как-то так оно пошло. Ну трошки помогаю по хозяйству, не без этого. Ей-то уж тяжело по окнам скакать.

– Но как же... – растерялся Макс. – Руслан же есть! Почему он не моет окна?

Она в ответ только улыбнулась, приоткрыв ряд белых зубов. Один стоял чуть косо, и это вдруг показалось Максиму чрезвычайно важным, казалось, он знал про этот кривой зуб давно, еще до того, как она улыбнулась. Наверное, это была такая особая примета, по которой он должен был ее узнать.

– Во всяком случае, пока я живу в этой комнате, я не могу позволить, чтобы вы мне прислуживали! Оставьте, я сам все доделаю! Слезайте с окна, будьте так любезны!

Он помог Христине спуститься и удивился, с какой легкостью она это проделала, сказав загадочно: «Красно дякую». Стремительно потянулся к тряпке и был тут же остановлен мягкой, но решительной рукой:

– Вот потому Руслан Романович и не моет окон. Это ж треба разуметь, что куда прикладывать. Не мужское дело. А я люблю. Мне кажется, это мое предназначение, очищать пространство.

– Но...

– Если вы сейчас начнете этой тряпкой по стеклу возить, то все испортите одразу[4 - Сразу (укр.)]. Уж дайте я!

Видя колебания Макса, Христина решительно оттеснила его от подоконника, на который он собирался залезть. Сдвинув свои замечательные брови, девушка внимательно осмотрела окно и сказала, что если уж он очень хочет ей помочь, то пусть подстрахует, когда она будет мыть верхний переплет снаружи.

Руслан с Анной Спиридоновной так и не поставили стеклопакеты, рамы у них были старые, деревянные, на скрипучих петлях, а верхняя часть окна не открывалась, так что снаружи ее можно было вымыть, только основательно высунувшись на улицу. Кто и зачем придумал такое устройство, оставалось

неясным, но делать было нечего. Или сиди с грязными стеклами, или подвергай риску собственную жизнь. Макс посмотрел на облупившуюся белую краску, через прорехи в которой проглядывали более ранние посеревшие слои, а то и дерево, тоже пожухлое от времени, на оконную замазку, всю в трещинах, деливших ее на почти равные кусочки, похожие на вагончики. Почти физически испытал давнее ощущение, когда кусочки краски залетают под ногти, содрогнулся и подумал, как можно было решиться на такой адский труд из одной симпатии к Анне Спиридоновне.

Подстраховать Христину можно было одним способом: встать с ней рядом на подоконник, одной рукой взять за талию, а другой держаться за стену. Макс было с жаром согласился, но сразу понял, что испытание это ему сейчас не под силу.

– Боюсь не справиться с задачей, – пробормотал он. – Возможно, будет лучше, если вы меня подстрахуете?

Только озвучив это предложение, бедняга понял, что это тоже не вариант. Когда два тела тесно соприкасаются, нет большой разницы, кто кого обнимает. Он вздернул подбородок, чтобы показать, что нисколько не смущен.

– Сделаем так. Вы мне дадите нужную тряпку и инструкции, я выполню их буквально.

– Но...

– Прошу вас! Я все же мужчина и не имею права подвергать вашу жизнь опасности.

– Та... Ну добре, только переоденьтесь.

Макс сообразил, что предлагает услуги мойщика окон, будучи облачен в один из лучших своих костюмов, и изумился. Он всегда придавал большое значение своему внешнему виду, любил хорошие вещи и умел их носить, и в обычное время мысль, что хоть одна капля воды попадет на английскую шерсть, привела бы его в панику. Если бы на месте Христины оказался, например, Руслан, он мгновенно ретировался бы и не вернулся до завершения процесса.

А сейчас... Если бы умница Христина не сделала замечание, он так бы и полез на окно в костюме. Может быть, пиджак снял бы, потому что мешает, и всё. Макс вышел и в ванной переоделся в джинсы и футболку, наряд, который позволял себе только дома. Ему не очень нравилось, что Христина увидит его в таком простом виде, но он утешился, что первое впечатление о нем девушка составила, когда он выглядел весьма прилично.

Пройдя по квартире, Макс снова удивился, как стало хорошо. Тетя Аня с Русланом, конечно, всегда держали дом в порядке. Макс про себя знал неприятную правду, что он педант и в отличие от большинства мужчин замечает, если живут нечисто, – так вот у родственников ничего такого не было, он чувствовал себя комфортно и спокойно. Может быть, потому, что здесь давным-давно ничего не меняли, и обстановка осталась той же, что он помнил с детства. В ванной тот же белый кафель на полу с черными ромбиками по углам, стены не выложены плиткой, а покрашены, чего почти уже нигде не встретишь. Сохранилось и загадочное окошко между кухней и ванной, смысл которого так и остался Максу неясен, сколько он ни ломал над этим голову. И сама ванна совсем старая, хоть и очень большая. Эмаль потускнела, потрескалась, образуя на дне дикие узоры. Понятно, что обстоятельства не позволяли Волчеткиным украсить быт, какой уж ремонт, если в доме душевнобольная, но упадок компенсировался порядком. А сейчас чистота была такая, что упадок и вовсе исчез. Непонятно, как Христине удалось проделать этот фокус, но даже жуткий цвет стен вдруг показался Максиму симпатичным, да и сам он в зеркале вдруг отразился мужчиной хоть куда.

– Вы знаете, – сказал он, вернувшись, – я никогда еще не видел, чтобы женщина переделала столько работы сразу.

Христина только отмахнулась и, подождав, пока он влезет на подоконник, протянула тряпку.

Максу вдруг очень понравилось стоять, подставив лицо мягким лучам осеннего солнца, смотреть на стены соседних домов, близко подступивших к нему, слушать шум города, долетающий сюда даже сквозь лабиринты петербургских дворов, и вдыхать чуть горьковатый аромат палой листвы.

Он встал поосновательнее, так, чтобы если падать, то в комнату, и в строгом соответствии с инструкцией начал протирать стекло.

Это было непросто: предстать перед Христиной ловким и компетентным работником и в то же время не свалиться с окна.

Наконец стекло приятно заскрипело под комком старой газеты, Христина сказала: «Чистюсенько, прямо радость посмотреть!» – и работа была кончена.

Он спрыгнул, и, кажется, ноги еще не успели коснуться пола, как Христина уже навела порядок.

На улице было тепло и солнечно, окно закрывать не стали, а, наоборот, высунули головы на улицу, облокотившись на подоконник. Над бурными крышами домов видно было голубое небо, неожиданно яркое для сентябрьского дня, внизу, на каменном пяточке двора, ребенок в красной курточке с диким грохотом возил игрушечный самосвал, а на ржавом навесике над входом в подвал лежал и щурился дворový кот, и блаженство на его морде ясно читалось даже с высоты третьего этажа.

– Бывают такие дни, – начал Макс и осекся. Он хотел сказать, такие дни, когда не так грустно жить и не так обидно умирать, но понял, что это будет звучать слишком пафосно, и передумал.

Христина улыбнулась и сказала:

– Да, бывают.

Он посмотрел вверх. Где-то высоко над крышами висели маленькие круглые облака, белые и плотные, почему-то с плоским дном.

– Похоже на инопланетное вторжение, правда?

– Да? А по мне так на пампушки. Они ж на кухне и настоящие есть к борщу. Будете?

Макс засмеялся:

- Пожалуй. Уверен, что вкус у них тоже небесный.

- Почекайте![5 - Подождите! (укр.)] - и Христина убежала.

Он еще постоял, улыбаясь, а солнце гладило его лицо своими невидимыми ладошками. В жизни Макса редко бывали такие дни, свободные от сожалений о прошлом и от тревог за будущее, когда он понимал, что если в жизни и есть тайный смысл, то очень простой и ясный.

На кухне он заметил, что Христина выглядит иначе. Длинные густые волосы, по цвету напомнившие ему старый коньяк, она убрала в высокую прическу и сменила рабочее одеяние, вид которого Макс так и не сумел вспомнить, на светлые джинсы и блузку в нежный цветочек.

Он был воспитан в убеждении, что джинсы - это рабочая одежда, и надевать их с какими-то другими целями крайне вульгарно. Но сейчас это не имело никакого значения.

Христина поставила перед ним тарелку с борщом, а в центр стола блюдо с пампушками. Они были такие легкие и крепенькие, действительно как облачка, и упоительно пахли травами и немножко чесноком. В тарелке обнаружился вовсе не очередной вариант жижи разных оттенков красного цвета, от кирпичного до неестественно розового, которую ему приходилось есть раньше в качестве борща, а удивительная композиция, где каждый элемент находился как бы отдельно и в то же время на своем месте.

Сметану Христина налила в старую соусницу толстого фаянса с аляповатым рисунком в виде райских птиц. Вспомнив, как в детстве восхищался этими птицами, Макс улыбнулся и попробовал суп.

- Как вкусно! - воскликнул он искренне.

- Кушайте, кушайте, а то вон вы какой худышка! Пампушечку не забудьте.

Макс обещал, что не забудет. Девушка не садилась за стол сама, а он стеснялся попросить ее. В самом деле, он тут не хозяин, а угощать Христину ею же

приготовленным обедом просто верх невоспитанности. Поэтому он просто наслаждался великолепным борщом и в один прекрасный момент почувствовал, что ситуация, когда он сидит за столом на манер барина, а девушка хлопчет тут же по каким-то мелким хозяйственным делам, его совершенно не конфузит. Кажется, от непривычно вкусной, сытной и горячей еды он немного опьянел.

– Я вас, наверное, сильно напугал, когда подкрался?

– Само собою! – засмеялась Христина. – Я ж в наушниках, не слышу! Чуть не сверзилась...

– Простите меня. Но я был крайне удивлен, обнаружив у себя на окне совершенно незнакомого человека.

Девушка вдруг нахмурилась и погрузилась, будто вспомнила что-то плохое:

– А как вы думаете, почему мне Анна Спиридоновна ничего про вас не сказала?

– Вероятно, забыла, – предположил Макс.

– Та верно... Кто я ей, чтобы мне рапортовать?

– Ну что вы! Это я не та фигура. Не уверен, что Анна Спиридоновна помнит, что я у нее гощу, когда меня не видит. Просто она чтит обязательства перед семьей, вот и все.

– Не-не-не! Вы главнее, бо вы родич! – Христина энергично покачала головой. – Даже не думайте иначе.

– Хорошо, не буду, – улыбнулся Макс, – я в принципе стараюсь не думать, какого мнения обо мне люди. Сколько ни предполагай, а все равно ошибешься.

– Отож! – Христина засмеялась. – Но ваша тетя самая лучшая, она по-злому ни о ком не думает, уж это я точно говорю.

– Да, тут вы совершенно правы. Анна Спиридоновна всегда судит по справедливости, в этом на нее можно положиться.

Христина ловким движением приняла у него пустую тарелку и предложила добавки, от которой Макс решительно отказался.

- Тю! Как говорит мой деда Коля, вас хорошо за харчи нанимать. Чай?

Не дожидаясь ответа, она захлопотала, и Макс снова удивился, как это у нее получается делать все так быстро и словно само собой.

- Знаете, от меня недавно перевелась сестра, с которой я вел амбулаторный прием. Хорошая сестра, всегда вежливая, доброжелательная, я был убежден, что она мне искренне симпатизирует, а перевелась сугубо из меркантильных соображений. А потом случайно узнал, как она всем говорит, что ей понадобится двадцать лет, чтобы прийти в себя после работы с этим... - Макс запнулся, - в присутствии дам скажем, чудачком.

- Может, она влюблена в вас была?

- Это крайне маловероятно, поверьте. Я просто хотел сказать, что если трудно составить правильное мнение о человеке, то понять, какое мнение он составил о вас, попросту невозможно. Поэтому давайте не будем гадать, почему Анна Спиридоновна не рассказала нам друг о друге, уверен, есть объяснение, не обидное ни для вас, ни для меня.

- Да какие обиды, что вы! А вы врач?

- Некоторым образом, - почему-то ему не захотелось называть свою специальность. Многие люди думают, что психиатры сами не совсем нормальны, даже прибаутка есть: кто первым халат надел, тот и врач. А бывало и наоборот: собеседник приписывал Максиму необычайную проницательность, умение в самых невинных вещах распознать признаки душевного расстройства - и замыкался, начинал осторожно подбирать слова, следить за своими жестами, и в результате беседа затухала. Максиму очень не хотелось, чтобы так произошло сейчас. Пусть девушка думает, что он хирург, как Руслан. - а у вас какая специальность?

- Я бренд-менеджер, прямо и сказать-то стыдно.

- Почему?

– Ну здравствуйте! Вы доктора, а я макаронами торгую!

Макс горячо заверил девушку, что снабжение населения продуктами питания не менее важное дело, чем лечение этого самого населения.

– Тю! – Кажется, Христина хотела возразить ему, но вдруг посмотрела на часы и заспешила. Стремительно убрав со стола, она схватила легкую курточку и убежала прежде, чем Макс придумал способ ее остановить.

Оставшись один, он впал в странное состояние, когда человек слишком взволнован и для того, чтобы отдышаться, и для того, чтобы сосредоточиться на каком-нибудь полезном деле.

Макс прилег у себя на диване, но тут же вскочил и полюбовался окном, какое оно чистое. Уселся на подоконнике с журналом, но быстро понял, что не понимает ни слова из написанного в статье.

Перед глазами все стояло лицо Христины...

Девушка сказала, что познакомилась с тетей Аней в Сети. Что ж, это он мог себе легко представить. Анна Спиридоновна женщина прогрессивная, от нее не услышишь фразы «вот в наше время...». Нет, она справедливо считает, что, пока жива, все время – ее, и с удовольствием осваивает всякие новые штуки. Вероятно, думал он, тетя решила взять помощницу по хозяйству и нашла Христину, которая просто великолепна в этой роли. Ну а потом женщины прониклись друг к другу симпатией. Наверное, Христине неловко было сказать, что она домработница, хотя что тут стыдного... Макс невольно улыбнулся трогательному и наивному снобизму девушки.

Потом вспомнил, с какой искренней симпатией Христина отзывалась о тете Ане, и снова улыбнулся. Макс с детства любил тетю и в гости к Волчеткиным любил ходить именно из-за нее, а не из-за двоюродного брата. Руслан был ярким представителем того дикого племени мальчишек, которое никак не хотело принимать его в свои ряды, и хоть послушно отсиживал положенное время с младшим братом, не умел скрыть своей скуки. Совсем другое дело тетя Аня. Она обладала редким даром, оставаясь самой собой, не сюсюкая и не приседая, быть интересной детям.

И тетка, и племянник были страстными книголюбителями и с упоением обсуждали любимые произведения, причем Анна Спиридоновна никогда не впадала в назидательность и не пыталась, пользуясь моментом, впихнуть в голову ребенку как можно больше здоровой морали. Нет, она просто искренне говорила о своих впечатлениях, и Макс отвечал тем же, потом они, бывало, придумывали дальнейшую судьбу любимых персонажей, пока тетя Аня готовила, а он болтался у нее под ногами.

Став постарше, Макс понял, что Анну Спиридоновну в их большой и как бы дружной семье слегка недолюбливают. Даже не то чтобы недолюбливают, а скорее, считают паршивой овцой.

Его, Макса, мама очень многие фразы начинала словами: «У нас в роду», и действительно, семья имела прочные и глубокие аристократические корни. Революция семнадцатого года нанесла жестокий удар тогдашним представителям рода, от которого они не только не оправились сами, но и передали эту посттравматическую растерянность своим потомкам. Все члены семьи жили как-то отдельно от жизни, воздвигнув некую полупроницаемую мембрану между собой и обществом. Даже специальности выбирали мертвые, чтобы можно было проводить время в тиши академических кабинетов. Все старшие родственники занимались кто классической филологией, кто искусством XVIII века, кто палеоботаникой и прочее в том же духе. Тетя Аня первая в семье выбрала живую специальность, потом вышла замуж за живого человека и в довершение своих грехов уехала в глухомань по распределению, вместо того чтобы остаться на какой-нибудь теоретической кафедре.

Со временем Макс сообразил, что мама приревновала его к тете Ане, ей не нравилось, что сын привязался к ней, и она отпускала его в гости все с меньшей охотой, при каждом удобном случае напоминая, что тетя Аня не понимает, в какой семье родилась и какое воспитание получила, и не выполняет обязательств, налагаемых на нее происхождением. Мол, она и в юности интересовалась не тем, чем надо, а пожив в глухой деревне, так и совсем огрубела. Макс слушал, кивал и не вступался, не говорил, как интересно ему было слушать рассказы тети Ани о приключениях в сибирской глубинке. И тогда, и сейчас Макс стыдился собственного малодушия, но огорчать маму было никак нельзя.

Так бывает: можно жить рядом и любить человека, но быть с ним словно с разных планет, а можно видаться два раза в год, но знать, что связь между вами

крепкая и нерушимая.

Когда начались нелады с женой и она предложила пожить отдельно, Макс с благодарностью принял приглашение тети Ани. Не из соображений каких-то нафталиновых приличий и, естественно, не из денежной выгоды, уж снять квартиру было вполне ему по силам. Просто ему хотелось быть рядом с родным и надежным человеком: кроме того, он надеялся сам принести пользу Волчеткиным, которые недавно понесли тяжелую утрату. В таких случаях, как Макс знал, присутствие постороннего человека помогает, даже если он ничего утешительного не делает.

А теперь выяснилось, что у тети Ани есть Христина, о которой она не сочла нужным рассказать. Почему? Постеснялась, что обзавелась домработницей?

Тут Макс сообразил, что не должен был столкнуться с девушкой, поскольку планировал допоздна сидеть на кафедре, и тетя Аня об этом знала.

Кто ж мог предвидеть, что докторант, с которым Макс хотел обсудить диссертацию, в последний момент отменит встречу? Соблазнившись хорошей погодой, а может, по велению свыше, кто знает, Макс отправился домой, где и столкнулся с прекрасной незнакомкой.

«Тетя Аня просто не хотела нас знакомить! Чтобы мы не влюбились невзначай...» – От этой мысли в сердце разлилась приятная и немного тревожная теплота.

Беспокойство не проходило, и Макс решил принять душ. Раздевшись в ванной, он посмотрелся в зеркало. Кажется, ничего не изменилось. Все то же некрасивое лицо, в котором, как ни поворачивай, нельзя найти ни одного приличного ракурса, костлявые плечи с узкими сухими мышцами. Грудь и впалый живот поросли густым тонким волосом, больше похожим на шерсть, и Макс это в себе очень не любил.

«Как она обо мне сегодня сказала? Худышка?» – подумал Макс и неожиданно громко расхохотался.

Руслан никогда особенно не любил засиживаться в своем кабинете, а теперь, когда занимать его осталось считанные дни, вообще старался там не появляться.

С тяжелым чувством он толкнул дверь ординаторской. Каждый раз теперь, входя к коллегам, Волчеткин боялся, что о его смещении с должности стало им известно и на него сейчас обрушится шквал вопросов, показного сочувствия и тайного злорадства.

Нет, кажется, не сегодня. Людям, находившимся в ординаторской, было явно не до него. Мила писала истории бомжей, и, судя по мечтательному выражению лица, делала это совершенно автоматически, никак не участвуя мыслями в процессе. А потом страховая компания будет ловить всякие перлы, типа «состояние жесткое» или «рентгенография брюшной полости на уровне жизни», с нежностью подумал он, – наложат штрафы, и в голове ни у кого не щелкнет, что дневники эти сто лет никому не нужны. И что неплохо было бы создать такую систему медицинской документации, которая была бы удобна и полезна доктору, а не контролерам.

В другом углу на повышенных тонах спорили Спасский и пожилой профессор Колдунов. Руслан улыбнулся, он знал это свойство хороших докторов. Интеллигентнейшие и умнейшие люди, образованные, эрудированные, умеющие с блеском поддержать светскую беседу, они совершенно преображались, когда разговор переходил на профессиональные темы.

Обсуждая клинические случаи, доктора начинали изъясняться так, что заставили бы покраснеть сантехников из жэка, и словарный запас их стремительно скудел, сужаясь до узкоспециальных терминов и ненормативной лексики.

– Господа, ну что вы, – сказал Руслан негромко. – вы же гуманисты, врачи, а выражаетесь так, что слушать страшно.

– Действительно, – засмеялся миролюбивый Колдунов, – что за уровень дискуссии, сам ты лошадь! Фу!

– Так не изволите ли пересмотреть график, ваше сиятельство? – Спасский встал и потянулся к доске, на которой висел упомянутый документ.

– Изволю, изволю... Давай сюда. А ты, Русланчик, что? – Колдунов подмигнул и занес карандаш, чтобы поменять местами дежурства. Дело это было непростое – составить график таким образом, чтобы в бригаде каждый день был хоть один

сильный хирург. – может, возьмешь хоть пару смен в месяц? А?

– Да надо бы, – протянул Руслан неопределенно.

– Давай, тебе самому легче будет! Когда тяжело на душе – это первое дело: загрузить себя работой до опупения. Так, чтобы не помнить, кто ты такой. Водка, конечно, тоже способствует, но не так.

– Не так.

– На октябрь у меня уже все сверстано, а в ноябре приходи, – продолжал Колдунов, делая какие-то исправления в графике и любуясь на свою работу. – кто у меня есть, Андрей да Мила, ну сам я, так сколько можно на нас выезжать? Эх...

– Даем дорогу молодым, а они не идут, – сказала Мила, шлепнув пачкой историй по столу. – весь этот детский сад сначала приходит, глаза горят, хирургия forever, а не успеешь их имена выучить, как смотришь, а они уже рассосались все по перспективным специальностям. Это мы думали только о том, чтобы работа была интересная и приносила моральное удовлетворение. Сейчас не так.

– Ой, Мила, перестань! Раньше все то же самое было, что сейчас. Просто ты горела энтузиазмом, и тебе казалось, что и все горят. Ты вообще уникам была, сломала мне шаблон, как говорится.

– Что я тебе сломала, Ян Александрович?

– Шаблон.

– Порвала, надо говорить.

– Ну или так. Короче, благодаря тебе я понял, что девушка может быть таким же хорошим хирургом, как и парень. Не знаю, Андрей Петрович, помнишь ли ты, как Мила пахала?

– А с тех пор что-то изменилось? – Спасский встал и заглянул Колдунову через плечо, чтобы удостовериться, что рекомендации его учтены.

– Ничего! Ровным счетом ничего! Но я даже не о том, как много она работала, а с какой скоростью профессионально росла. В молодости я считал, что женщина-хирург – это, как говорится, все равно что морская свинка. Не имеет отношения ни к морю, ни к свиньям.

Мила громко засмеялась и сказала, что Ян Александрович – сексист.

– Еще какой! Ну а если серьезно, то хирург-то я на самом деле средний...

– Не свисти! – буркнул Спасский.

– Нет, правда, – Ян Александрович спокойно улыбнулся, так что сразу стало ясно, он говорит это не из кокетства и не из желания, чтобы его скорее убедили в обратном. – я тактик, а не стратег, другими словами, могу вылечить больного, используя все передовые достижения медицинской науки, но чтобы самому предложить новый метод лечения – нет. Поэтому я никогда особо не рвался в научные работники, докторскую защитил просто для галочки. Но чем я реально горжусь – так это своими учениками. Это кроме шуток, Мила. Вон ты какая получилась, а потом и Руслана выучила. Получается, у меня уже хирургические внуки появились...

– Целая, не побоюсь этого слова, плеяда. Главное, со мной совершенно не обязан был возиться, но у тебя закон был – пришла на дежурство, хочешь работать – получай науку.

– Единственное, чем мне не жалко делиться с людьми, – это знания, – назидательно сказал Колдунов. – единственное, чем не жалко.

Руслан натянуто улыбнулся, не желая показать, что разговор ему неприятен. Он сам бы не мог объяснить себе, откуда это чувство, почему признания Колдунова так уязвили его.

Поскольку Мила очень чтит Колдунова, Руслан поневоле был в курсе его богатой трудовой биографии и знал, что карьера у него никогда не завязывалась, несмотря на безусловный профессионализм и боевой опыт. То ли Ян Александрович сам был равнодушен к регалиям, с детской непосредственностью устремляясь туда, где интересно, и занимаясь тем, что

нравится, то ли находились люди, которым прямолинейный и порядочный Колдунов был неуютен...

Пройдет совсем немного времени, с горечью подумал Руслан, и я буду так же сидеть в этой самой ординаторской и говорить свое «зато», находя все более прекрасные оправдания несложившейся карьере. Стану рассказывать всем, как меня утомляла административная деятельность и с какой радостью я от нее отказался, чтобы целиком посвятить себя любимому делу – лечению людей. Только очень сомнительно, чтобы кто-то стал слушать мое нытье. Второй профессор на кафедре – не та фигура, с которой есть смысл считаться.

Руслан покосился на часы. Что ж, рабочий день почти закончился, никаких экстремальных ситуаций не назревает, можно собираться домой. Но там несносный Макс, и непонятно, в каком настроении. Хорошо, если сидит за книгами, а если на него найдет стих милосердия и сострадания и он полезет в душу любимому брату, не принимая во внимание, хочет ли этого любимый брат?

Позвонить Полине? Руслан невольно поморщился. Чем дольше они общались, тем меньше находилось тем для разговора. Странно, с Ингой ему всегда было интересно, в те минуты, что они оставались наедине, он никогда не скучал, не искал, чем занять время, разговор их тек свободно, и они прекрасно понимали друг друга. Никогда такого не бывало, чтобы они сидели, поддерживая какую-то вымученную беседу, лишь бы только между ними не воцарилось тягостное молчание, показывающее, что они чужие и чуждые люди.

Вероятно, если бы Полина уступила его натиску, он был бы сейчас вполне счастлив с ней, и не исключено, что сделал бы предложение. И прожил бы всю жизнь бок о бок, очарованный ее мягким и немного сонным обаянием, и никогда бы не узнал, что связался с эгоистичной и приземленной женщиной.

Полина – человек со здоровой психикой и здоровой моралью, тут не возразишь. И надо уважать ее за это, а все свои соображения по поводу «мещанского мировоззрения» засунуть куда подальше, ибо это всего лишь рудиментарный всплеск чувств феодала, которому не дали воспользоваться правом первой ночи. Или, хуже того, раздражение избалованного мальчика, который вдруг понимает, что для того, чтобы что-то получить, недостаточно просто захотеть.

– Иногда я думаю, что не сделал ничего особенного в профессии, – задумчиво продолжал Ян Александрович. – ничего такого, что можно ожидать от профессора и доктора наук. Так, кропал при случае статейки, но все это были частные вопросы. Оперировал много, это да, но порой брал такие случаи, где прекрасно справились бы и без меня. Создавал себе иллюзию, что я страшно незаменим в операционной, лишь бы не сидеть в кабинете и не выжимать из себя умные мысли. Да что я вам говорю, будто вы сами не так делаете!

Мила со Спасским засмеялись.

– Так вот, когда я думаю, что растратил жизнь на всякую рутину, то вспоминаю своих учеников и понимаю, что все было не зря. Да что далеко ходить, взять хоть нашего нового ректора! Я, конечно, не могу претендовать на звание главного наставника, но все же кое-что передал ей в свое время.

– Инга всегда о тебе очень хорошо отзывалась. С восторгом, можно сказать.

– Аналогично. Не сочтите, что я подлизываюсь к новому начальству, но вот редкий случай, когда человек на своем месте. Я так рад был, когда узнал!

– Все-таки она молодая для такой должности, – заметил Спасский.

– Ну здрасьте! А когда начинать-то? Когда песок посыплется? Руководящая должность – это не приз, не награда за тысячу лет беспорочной службы, а такая же работа, и назначать нужно не тех, кто заслужил, а тех, кто способен. Инга – способна, ну а молодость, увы, пройдет гораздо быстрее, чем бы нам хотелось.

– Может быть, ты и прав...

– Ясное дело! Человек показал блестящие организаторские способности, руководя центром хирургии кисти, так кого назначить: его или академика Пупкина, который всю жизнь просидел в своем кабинете под бюстом Пирогова и даже пыль с него ни разу не протер? Ответ очевиден, по-моему. Если думать об интересах дела, нужно делать ставку на молодых, а не на таких старых псов, как мы.

Руслан слушал, чувствуя, как сердце начинает разъедать недостойное чувство, называемое завистью. Это было очень болезненно и противно, но он ничего не мог с собой поделать, оставалось только надеяться, что душевные муки не отражаются у него на лице.

– И все же она крутовато начинает, – заметил Спасский как бы в пространство. – с места в карьер убрала с должности заведующую лучевой диагностикой.

– А не надо было, по-твоему? – вскинулся Колдунов. – Ведь это ж такая гнида сидела на пути прогресса!

– Так-то оно так...

– Или тебе нравилось, что пациенту надо было неделю какое-то поганое УЗИ ждать? Что мы только накануне выписки выясняли, чем он, собственно, у нас болел, а лечили наобум святых? Может быть, ты так свои клинические навыки тренировал? Типа что в черном ящике?

Спасский засмеялся и покачал головой.

– Томограф стоит в приемном отделении, а мы как дикие, лапароцентезы фигачим всем подряд, куда это годится в двадцать первом веке?

– Согласен, согласен.

– Все правильно Инга сделала. Раз приказала наладить экстренную лучевую диагностику, два приказала, но эта дура решила, что она царица мира и какой-то ректор совершенно ей не указ. И тут уж нельзя было поступить иначе. Понимаешь, Андрюша, приходится выбирать, или дело делать, или нравиться людям. Что-то одно. И лучше, я тебе скажу, дело делать, потому что когда становишься хоть на одну кочку выше остальных, сразу перестаешь быть всеобщим любимцем.

– Я тоже считаю, что Инга права, – сказала Мила, – я еще помню прежнего заведующего рентгеном, так тогда совсем другое дело было. Не успевала методика появиться, как она уже внедрялась. Рентгенологи на операции приходили, можете себе представить? У человека в голове только

наклеывалась какая-нибудь идея, а Михаил Исаакович уже придумывал, как ее можно будет подкрепить с помощью лучевой диагностики. А потом пришла Елена Юрьевна, и все пропало. Работа завалилась полностью, и как раз во время бурного развития технологий. Ай! – она брезгливо махнула рукой. – самое противное – когда прежний ректор выживал реально талантливых людей, никто ничего против не имел, а сейчас самые одаренные погонят волну: да как она посмела! без году неделя! Да Елена Юрьевна рентгеном заведовала, еще когда эта пигалица пешком под стол ходила! Короче, сами знаете, нелегко Инге придется.

– Она все же моя ученица и знает золотое правило Колдунова: делай, что считаешь нужным, умный поймет, а дураку все равно не угодишь.

– А я думала, твое золотое правило: никогда ничего не делай, пока не убедишься, что за тебя этого не сделает кто-то другой.

– Это бриллиантовое правило. Семь раз отмерь, а отрезать дай другому.

Все засмеялись, и Руслан тоже растянул губы в неискренней улыбке. Он был согласен с тем, что Елена Юрьевна работала неважно, но за много лет привык к этому укладу, как привыкают люди, например, к слабой петле на дверце шкафа. Подтянуть – хлопотно и опасно, можно испортить внешний вид, а поддерживать дверь не так уж и трудно. Да, на исследования была очередь, но если от результата УЗИ зависела тактика лечения или лечащий врач затруднялся с диагнозом, всегда можно было договориться с лучевым диагностом, так сказать, в частном порядке.

Руководителем Елена Юрьевна была отвратительным, если смотреть с точки зрения лечебного процесса в целом, но свои интересы умела соблюдать очень даже неплохо, да и сотрудников не обижала. Бог знает, сколько дивидендов им приносил тщательно культивируемый миф о недоступности и дороговизне высокотехнологичных методов исследования...

А теперь Инга взяла и прикрыла лавочку! Почему? Только ли потому, что заведующая игнорировала ее распоряжения? А может быть, потому что та была счастливо замужем?

Руслан усмехнулся. Елена Юрьевна, дородная женщина, типичный «медработник», гордо носила свои мощные формы, обтянутые старомодным халатом, на толстых ногах, обутых в практичные белые сабо. Растоптанные ступни напоминали ракетки для пинг-понга, – словом, время ее женской привлекательности давно прошло. Но она была замужем за удивительно невзрачным мужичонкой, который врезался в память именно потому, что у него не было ни единой запоминающейся черты.

Супруги, кажется, жили дружно, подолгу обсуждали, что им хочется на обед, а что на ужин, где лучше покупать фрукты, а где мясо, и прочие насущные вопросы. Руслан иногда представлял, как они плотно едят, а потом ложатся в постель и занимаются дородным, степенным и обстоятельным сексом, и его охватывала тоска, настолько бессмысленным и скучным представлялось ему это существование.

Еще в бытность заведующей центром хирургии кисти Инга пыталась наладить сотрудничество с лучевой диагностикой, но получила набор стандартных отговорок, что, мол, штата нет, расходника нет, а просто так только птички поют. Инга вспылила, тогда она еще могла позволить себе такую слабость, и намекнула на чересчур пышные формы Елены Юрьевны. С тех пор та не упускала случая подчеркнуть свое достойное замужнее положение и унижить Ингу, не имевшую вожделенного штампа в паспорте. Со стороны это выглядело как злобствования не очень умной, некрасивой и немолодой тетки, и Руслан был уверен, что стрелы не достигают цели, по крайней мере, когда Елена Юрьевна презрительно фыркала и подвигала свою монументальную корму (видимо, так, по ее мнению, благородные дамы реагируют на проститутток), Инга делала вид, что ничего не замечает, и на речи о том, что счастливой женщина может быть только замужем, а если она не замужем, значит, в ней есть какой-то изъян, ну а уж рожать без мужа могут только распущенные женщины, будущий ректор отзывалась совершенно равнодушно. Теперь выяснилось, что выпады заведующей лучевой диагностикой задела ее гораздо сильнее, чем она считала нужным показать. Что ж, новая должность дала ей возможность достойно отплатить всем обидчикам, усмехнулся Руслан, я, Полина, эта кулема, кто следующий? Что ж, прощение и милосердие прекрасные вещи, но нельзя на них рассчитывать, и тем более требовать их от человека, которого ты обидел.

Поколебавшись немного, звонить Полине или нет, он неожиданно собрался и поехал навестить могилку жены. Благодаря Максусу, который занялся организацией похорон, удалось купить участок на Смоленском кладбище, и Анна

Спиридоновна так радовалась, будто это могло что-то изменить. Возле метро он купил цветы, белые мелкие розы, какие больше всего она любила, и когда попросил четыре веточки, продавщица нахмурилась. По 9-й линии он быстро добежал до набережной Смоленки и уже спокойнее пошел вдоль этой таинственной речки, где старинные дома и особнячки чередовались с заброшенными рыбацкими сараями и участками совершенно дикого берега со спускающимися к воде узловатыми ивами и высокой травой. Дальше, на другом берегу, виднелись массивные и грубые очертания каких-то промышленных зданий и нового бизнес-центра.

Руслан миновал современный дом красного кирпича, маленький домик музея кукол и остановился на перекрестке, глядя вперед, где в конце улицы видна была высокая желтая арка входа на кладбище. Вечерело, солнце давно зашло, но золотой купол собора светился в низком сером небе, а высокий и легкий золотой крест был совершенно ясно виден среди тяжелых, будто размытых по небу графитовых туч.

Неумело и неловко перекрестившись, он вошел на кладбище. Несмотря на довольно поздний час, народу было еще много. Возле маленькой голубой часовни стояла очередь людей, а сама часовня терялась среди нависающих крон деревьев и сгущающихся сумерек. Руслан шел мимо старинных могил, ухоженных и совсем заброшенных, мимо новых красивых памятников и покосившихся бетонных крестов, мимо высоких оградок и едва заметных поребриков. Чтобы не заблудиться, он запоминал фамилии на памятниках, и эти давно умершие незнакомые люди становились почти родными... Вот приметная стела с надписью «Доченьке Маргарите». Руслан посчитал: женщина прожила шестьдесят лет и осталась доченькой Маргаритой. Ох, незавидная у нее, наверное, была судьба...

Он издали увидел высокий песчаный холмик, со скромным временным надгробьем. В первые недели после похорон тут все было в цветах, а теперь почти ничего не осталось. Мама высаживала какие-то красные растеньица в горшках, но они быстро завяли. Руслан знал, что надо коротко отломать стебли у роз, но не стал этого делать. Он руками разровнял песок, потом достал носовой платок и протер памятник.

К соседней ограде была приделана узкая скамейка, просто кусок серой от времени доски, и Руслан опустился на нее. Он хотел бы испытать умиротворение или хотя бы спокойную грусть, но ничего не получалось. Невозможно было

понять, что Оля здесь, что этот песчаный холмик теперь и есть она, и здесь надо думать о ней.

Он просто сидел, одинокий человек, в заброшенном углу кладбища, вот и все. Даже воспоминания об их прежней счастливой жизни не шли сейчас ему в голову, а все лезли какие-то мелкие, глупые мысли. Руслан нагнулся, разложил цветы покрасивее, пытаясь убедить себя, что для Оли это имеет какое-то значение.

Вдруг прозвучал одинокий и глухой удар колокола, тупой звук быстро стих, но след его долго еще дрожал в темном воздухе. Может быть, слышалось, подумал Руслан, но тут каркнула ворона и, хлопая крыльями, слетела на верхушку черного мраморного креста.

Он встал и, быстро коснувшись ладонью холодного надгробия, пошел домой, уже с трудом находя дорогу в быстро наступающей темноте.

Христина выполнила все запланированные на сегодня дела и с чистой совестью открыла страничку социальной сети, где вела группу одной известной писательницы. За день работы накопилось довольно много. Разместить новые цитаты из книг, снабдив каждую подходящей картинкой, опубликовать последние новости... Христина проверила почту и нахмурилась: из издательства должны были прислать график встреч автора с читателями, но что-то медлили, и девушка переживала, что информация появится в группе поздно.

Она стала читать комментарии к записям, появившиеся за день. Анна Спиридоновна сегодня ничего не писала, занята, наверное, или посты не показались ей интересными. Христина расстроилась. Ей так нравились комментарии Анны Спиридоновны, острые, но в то же время безупречно вежливые, они обычно давали толчок интересному обсуждению, и девушке казалось, что писательнице должно быть очень приятно, что ее книги не оставляют людей равнодушными. Когда дискуссия становилась очень жаркой, приходилось осаживать участников, удалять самые злобные комментарии, а иногда и «банить» зарвавшихся. Эту часть своих обязанностей Христина не любила. Ее всегда удивляло это умение людей приспособливать самые лучшие изобретения человеческой мысли для самых низких целей. Казалось бы, такое чудо, как Интернет, сказка, фантастика! У людей появилась чудесная

возможность общаться на расстоянии, обмениваться мыслями и новостями, а между тем находятся граждане, использующие этот ресурс для сплетен, мутных склок и оскорблений. Кажется, технический прогресс не делает человека лучше, вздохнула Христина, удаляя необъяснимо злобный комментарий.

Подумав, зашла в раздел фотографий. Листала снимки, пока не появились первые обложки книг любимого автора.

Христина посмотрела на них с нежностью, вспоминая, как эти яркие томики дали ей надежду, помогли найти дорогу из того мрака, в котором она жила...

Она никогда не была такой страстной и запойной читательницей, как Анна Спиридоновна, книга служила лишь средством занять время, отвлечься от того, что происходит с ней в реальности. Потому что думать об этом было очень тяжело, а выхода Христина не видела.

И вот как-то в метро она остановилась возле лотка с книгами и журналами. Без всякой мысли посмотрела на яркий томик, думая, что сама виновата во всех своих злоключениях, и если бороться, то выйдет только хуже, потому что себя не переделаешь.

– Очень интересная книга, возьмите, – вдруг обратилась к ней продавщица, превратно истолковав ее взгляд.

– А?

– Я говорю, книга интересная. Оторваться не сможете, пока не прочтете.

Пожав плечами, Христина взяла томик в руки и наконец увидела обложку. Там была изображена женщина с пистолетом, из чего можно было заключить, что это детектив, Христина же увлекалась любовными романами. Она разочарованно покачала головой.

– На пробу, – настойчиво повторила продавщица. – не пожалеете, я вам точно говорю.

Христине почему-то стало перед ней неловко, и она купила книгу.

Предсказание продавщицы сбылось не полностью. Никто бы не позволил Христине целый вечер читать, так что отрываться приходилось. Но, выныривая из удивительного мира, в которой погружала ее книга, девушка недоуменно озиралась и с трудом могла понять, как же она оказалась тут...

На следующий день она побежала к продавщице и купила все книги писательницы, что были в наличии. Нельзя сказать, чтобы эти книги «изменили ее мировоззрение» или «перевернули душу», нет, она осталась такой же, как была. Христина знала, что от психологических проблем не избавишься простым чтением книг, и не ждала этого. Но книги показали ей, что мир полон человеческого тепла, любви и дружбы, всего того, чего никогда не было в ее собственной жизни. Она поняла, что есть свет, к которому надо стремиться.

Увлечение книгами и самой писательницей стало для нее настоящей отдушиной. Христина зарегистрировалась на официальном сайте автора, стала писать на форуме и мало-помалу познакомилась с такими же почитательницами, как говорила Анна Спиридоновна. Общение в Сети позволяло ей быть собой, и даже немножко лучше. Христина писала отзывы на прочитанные книги, и когда сама автор похвалила ее работы, почувствовала себя счастливой. Ей так хотелось быть полезной, хоть немного отблагодарить писательницу за ту радость, которую она испытывала, читая ее книги, что Христина предложила вести группу в социальной сети. Так она подружилась с Анной Спиридоновной, которой, оказывается, тоже очень нравились Христинины отзывы. У них завязался диалог, сначала на литературные темы, а потом постепенно женщины, обе натуры замкнутые, открылись друг другу. Анна Спиридоновна рассказала о своей беде, Христина – о собственных невзгодах, и поняла как-то вдруг, что пожилая дама искренне переживает за нее.

Кажется, она была единственным человеком на земле, которому было дело до Христины. Обретя эти хрупкие отношения, девушка страшно боялась их потерять и не обольщалась на свой счет, думая, что ежевечерняя переписка для Анны Спиридоновны всего лишь развлечение, легкое дополнение к сериалу, не более. Но три года назад, когда девушка полностью доверилась Анне Спиридоновне и рассказала всю правду о своей жизни, пожилая дама неожиданно приехала к ней в Киев и разрубила узел, который Христина почти семь лет пыталась пилить своими слабыми руками.

У нее до сих пор «екало сердце», когда она думала, что могло бы быть, если бы она осталась в той семье...

Христина отправила Анне Спиридоновне личное сообщение: «Мамсик, как дела?» и сразу нахмурилась, вспомнив, что «Мамсик» всегда страшно сердится, когда она на службе зависает в социальных сетях. На работе надо работать, считала Анна Спиридоновна, а дома – отдыхать. Есть задание – выполняй, а нет – почитай книгу по специальности. Нет книги – спроси у старшего товарища, что неясно, а если вдруг все ясно – прибери свое рабочее место. Ты не любишь свою работу, потому что не очень хорошо ее знаешь, категорически говорила она. Но когда во всем разберешься, войдешь во вкус. Христина пыталась возражать, что на ее должности нет большого смысла стремиться к совершенству. Шансы, что начальство заметит ее рвение и повысит, ничтожны, точнее говоря, их просто нет. На это Анна Спиридоновна решительно возражала, что развивается человек для себя, а не для начальников, и раз уж работа неизбежна, надо получать от нее удовольствие, а мало что в жизни дает человеку радости больше, чем сознание того, что ты умеешь что-то очень хорошо делать.

Верная этим принципам, Анна Спиридоновна прислала короткое сообщение: «Все нормально, зайчик, вечером обязательно поболтаем». Христина вздохнула. Наверное, у врачей это принято – наставлять молодых специалистов и делиться опытом, а ей приходится до всего доходить самостоятельно. Коллеги, все женщины около сорока, ревниво оберегали свои наработки, до которых, впрочем, Христина быстро додумалась сама.

Девушка отошла к кофемашине, сделала себе чашку эспрессо. Не потому, что хотелось пить, а чтобы был повод размяться. Сегодня совесть чиста, вся работа сделана хорошо и даже отлично, а то, что она не получила от этого ни малейшего удовольствия... Это жизнь, куда деваться. Кто-то любит свою профессию, кто-то нет. Анна Спиридоновна считает, что каждая минута жизни должна приносить радость, а она, Христина, другого мнения. Должны быть эти восемь часов скуки и рутины, чтобы ценить то занятие, которое действительно доставляет удовольствие. Интересно, как быстро бы ей надоело вести группу в социальной сети, если бы она зарабатывала на жизнь только этим?

Прошла целая неделя с тех пор, как она помыла окна у Анны Спиридоновны. Пора делать настоящую уборку, но Мамсик, как всегда, начнет сопротивляться и выдумывать разные отговорки, мол, неудобно. Она просто не знает, какую радость этим доставляет Христине, как приятно думать, что у Мамсика чистота и порядок. Христине так хотелось быть полезной!

Конечно, у них бывают очень насыщенные диалоги, и Анна Спиридоновна говорит, что ей интересно беседовать с Христиной, но так трудно верить, что она важна сама по себе, как есть, просто так... Рано или поздно я наскучу, мрачно думала Христина, если этого уже не произошло и Мамсик просто меня терпит по доброте душевной. Поэтому надо быть максимально полезной, чтобы я стала незаменимой, и главное, чтобы она видела, как я ее люблю не только на словах, но и на деле.

Даже это прозвище... Больше всего на свете девушке хотелось бы называть Анну Спиридоновну мамой, ведь ей никогда прежде не приходилось произносить это слово, но Христина понимала, что этим смутит старшую подругу, поэтому придумала легковесного «Мамсика», в котором за уменьшительно-ласкательным суффиксом прятала подлинную любовь и нежность.

Каким-то десятым чувством Христина понимала, что подобными мыслями унижает Анну Спиридоновну и в каком-то смысле ведет себя коварно, пытаясь опутать пожилую женщину сетью из добрых дел, из которой той будет потом не выпутаться, но ничего не могла с собой поделаться. Жизнь сложилась так, что, кроме Мамсика, у нее не было близких людей, и если эта дружба разорвется, она останется совсем одна.

Вдруг вспомнился этот несуразный долговязый парень, племянник Анны Спиридоновны, и Христина с удивлением поняла, что улыбается.

Почему-то в его обществе она не чувствовала того уже привычного страха, который всегда накатывал на нее в присутствии других мужчин. Наверное, он гей, решила Христина, вспомнив его безупречный внешний вид и удивительный порядок в комнате. Вот Мамсик и не сказала про него, находясь во власти дремучих предрассудков. И теперь, наверное, не позовет в гости, пока он не уедет.

Девушка снова улыбнулась и подумала, как это странно, что она с такой симпатией вспоминает о совершенно постороннем мужчине...

– Руслан, у нас гости, – сказала Анна Спиридоновна, открывая ему дверь, – раздевайся, мой руки и проходи в гостиную.

Он узнал кожаную куртку Алины, жены Макса. Это произведение портновского искусства совершенно не гармонировало с мамиными демократичными одежками.

Руслан недоуменно вздернул бровь.

– Да, да! – энергично зашептала Анна Спиридоновна. – Пришла налаживать отношения. Только прошу тебя, будь милым! Если повезет, они помирятся, и Макс уедет домой.

– Мам, я сама любезность! – горячо заверил Руслан.

Главное сейчас – помирить супругов хоть «на живую нитку», чтобы братец убрался в лоно семьи, а как уж там пойдет дальше, никого не волнует.

В гостиной царило гробовое молчание. На журнальном столике был сервирован чай с печеньем и конфетами. Мама сидела в кресле, а враждующие стороны вжались в противоположные углы дивана. Руслан был голоден, но идти ужинать в кухню одному – неприлично. Он принял из рук матери аппетитно дымящуюся чашку и сел во второе кресло. Потом попросит Анну Спиридоновну, чтобы она его покормила, будет, кстати, хороший повод оставить супругов наедине.

Он помешал сахар, но уютное звяканье ложечки о фарфор звучало тревожным эхом в напряженной атмосфере комнаты. Все трое с упреком посмотрели на него, словно Руслан совершил ужасающую бестактность. Он сдался и поставил чашку на столик.

– Рад тебя видеть, Алина. Прекрасно выглядишь.

– Спасибо. – Жена брата холодно улыбнулась, и Руслан дежурно поразился ее красоте.

В этой женщине не находилось ни малейшего изъяна, который позволил бы убедиться, что перед вами живой человек, а не продукт высоких технологий. У Алины было узкое лицо кинозвезды с идеально ровной кожей идеально персикового цвета. Глаза, ресницы, губы – все безупречно. Прическа отличалась той простотой и небрежностью, которую можно достичь только в

фешенебельном салоне. Фигурой жена брата обладала модельной, но была не совсем «вешалкой», аппетитные округлости присутствовали везде, где они были предусмотрены природой.

Без иронии и без преувеличения можно было сказать, что у жены брата идеальное тело, только Руслан никогда не чувствовал и тени мужского интереса, глядя на нее.

Одевалась Алина с таким безупречным вкусом, что это, пожалуй, уже становилось безвкусицей.

Изящно поднеся ко рту чашку, она сделала маленький глоток, и Руслан невольно обратил внимание на ее руку, холеную, узкую, с длинными пальцами и идеальным маникюром.

Переведя взгляд на брата, Руслан заметил вдруг, что вид у него не столько мрачный, сколько отсутствующий. Как ни удивительно было это видеть, но уголок рта его полз вверх, будто Макс улыбался своим мыслям.

– Ребята, милые, – ласково сказала Анна Спиридоновна, – оно конечно, распри мужа и жены должны оставаться между мужем и женой, тут встречать никому не надо. Но иногда помогает взгляд со стороны, тем более мы с Русланом – не совсем посторонние. Мы вас очень любим и хотим, чтобы вы снова были вместе.

– Вы же такая прекрасная пара!

– Руслан, не перебивай! Откровенно говоря, я надеялась, что взгляд со стороны будет только мой, но раз вы не успели помириться до его возвращения, что ж...

Макс пожал плечами:

– У меня от брата нет секретов. Только у него своих невзгод хватает. Да и вас, тетя Аня, я предпочел бы избавить от анализа проблем, которые не стоят выведенного яйца.

– Да? Ты в этом так уверен? – спросила Алина нараспев.

Макс отвел взгляд и тихо, себе под нос, буркнул, что да, уверен.

– Алиночка, зайчик. – Мать быстро поднялась и, подойдя к молодой женщине, положила ей руки на плечи. Алина никак не ответила на этот порыв, ни словом, ни жестом, даже не изменилась в лице. – детка моя, я знаю Макса с младенчества, поэтому считаю себя вправе в какой-то степени советовать тебе. Видишь ли, милая, я взрослый человек и знаю, что иногда семейная жизнь омрачается ужасными вещами. Внешне все выглядит более чем пристойно, но жене приходится терпеть такие муки и унижения, что разрыв становится единственным спасением. Поверь, я не принадлежу к тем адским дурам, которые считают, что раз они не нашли душевных сил прекратить мучительный брак, то их можно за это причислить к лику святых, а все остальные должны брать с них пример и страдать, как они. Если бы ты была замужем за каким-то неизвестным мне мужиком, я бы первая посоветовала развестись, если ты несчастна. Но Макс... Он же замечательный парень, и я уверена, что хороший муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Давай молчать о том, что девушки не умеют скрывать, не могут спать... (укр.)

2

Давай обо мне и тебе молчать... (укр.)

3

Молчать, пока не захотим кричать... (укр.)

4

Сразу (укр.).

5

Подождите! (укр.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-voronova/randevu-na-granice-dozhdya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)